

НОВАЯ ПОЛЬША 6/2009

Содержание

1. МЫ СПРАВИМСЯ!
2. СПАСИБО, МЫ ПЕРЕЗВОНИМ
3. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
4. ДАТЬ РОССИИ ШАНС
5. МОЯ ЛИЧНАЯ ПОЛЬША
6. ЕВРОПЕЕЦ ИЗ ЛОДЗИ
7. СТИХОТВОРЕНИЯ
8. ПРИКЛЮЧЕНИЕ СОЗНАНИЯ
9. ХРИСТОС И БЕЛЫЕ МЕДВЕДИ
10. ДВАДЦАТИЛЕТИЕ: ПОЭЗИЯ МАСТЕРОВ
11. НОВАЯ РУССКАЯ ДРАМАТУРГИЯ НА ПОЛЬСКИХ СЦЕНАХ
12. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
13. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

МЫ СПРАВИМСЯ!

Кризис — как пожар в лесу, который всё выжигает до самой земли, но он же ее удобряет и создает прекрасную почву для роста новых деревьев. Кризис — лучшая возможность для молодежи выйти на рынок, занять место, освободившееся от старых, обанкротившихся фирм. В период кризиса возникали крупнейшие фирмы в США, такие как «Майкрософт» или «Хьюлетт-Паккард». «Кризис — ваш великий шанс, не упустите его!» — призывал в январе молодых слушателей на международном конгрессе в Канзасе Карл Шрамм, президент американского Фонда Кауфмана, крупнейшей в мире организации, занимающейся поддержкой предпринимательства.

Среди тысяч слушателей его речи были трое гостей из Польши. Они слушали внимательно, но в отличие от остальных у них по щекам не шли красные пятна — они лишь слегка улыбались. Слова Карла Шрамма не стали для них неожиданностью, ибо молодежь в нашей стране ни к чему призывать не надо. Плохие новости об экономике мы принимаем к сведению, не моргнув глазом, и делаем свое дело, то есть тяжело трудимся, чтобы добиться успеха. Мы, конечно, боимся снижения зарплаты или увольнения, но не слишком — мы справимся. Всегда можно поискать другую работу или открыть собственную фирму и продолжать жить в полную силу. И неожиданно оказывается: жить не только для себя, но и для Польши.

«Мы полны отваги и не боимся кризиса. Даже когда нас увольняют, мы не отказываемся от мечты» — таков был ответ преобладающего большинства поляков в возрасте 25–34 лет в опросе, проведенном фирмой «MillwardBrown SMG/RC» в конце прошлого года. В марте фирма провела по заказу «Ньюсуика» повторный опрос на эту тему. И мы видим: прошли три месяца непрерывной бомбардировки драматическими сообщениями о кризисе, но по-прежнему почти половина молодых людей не боится рецессии. По-прежнему сохраняющийся у молодежи оптимизм подтверждает и опубликованный две недели назад опрос Центра им. Адама Смита «Money track 2009». На вопрос: «Видите ли вы какие-то шансы на улучшение своего материального положения?» — 32,2% респондентов ответили: да. И всем им от 20 до 39 лет. Участники той же группы опрошенных указали, что для увеличения заработка они

готовы взяться за дополнительную работу (а не играть в спортлото, как заявило большинство поляков).

Дополнительная работа? В период кризиса и массовых увольнений? Неисправимые оптимисты? Вовсе нет. Многие из них в последнее время обнаружили, что их жизнь может кардинально измениться в лучшую сторону благодаря тяжкому труду. «Труду в любых условиях», — замечает соавтор опроса проф. Доминика Майсон с кафедры психологии личности Варшавского университета. Поэтому несмотря на сложные экономические условия мы не суетимся, не нервничаем и делаем свое дело. Как следует из новейших опросов, проведенных фирмой SMG/KRC по заказу «Ньюсуика», так поступают 76% молодых поляков.

Как это возможно, что мы не сдаемся перед лицом кризиса? По мнению проф. Доминики Майсон, мы, молодежь, как правило, не боимся нового, незнакомого, иного. И постоянно чего-то ищем.

Агнешка Бялек (29 лет) и Михал Бонк (33 года) первый серьезный рубеж в жизни преодолели полтора года тому назад, когда поженились. Потом следующий катаклизм — смена места работы. Она была координатором проектов в пиар-агентстве, сейчас работает брэнд-менеджером в международной корпорации. Он — когда-то брэнд-менеджер, теперь координатор проектов в крупной фирме. Оба они утверждают, что эти переломы научили их жить в условиях перемен. Кризис они вовсе не склонны недооценивать, тем более что работают в иностранных фирмах, где глобальная рецессия ощущается больше, чем в польских. Но они работают как всегда: напряженно и профессионально. Для личной жизни у них остаются лишь выходные: ужин в пятницу в хорошем ресторане или суббота, проведенная, например, где-нибудь в спа-салоне за городом, — это для них норма. Остальную часть заработанных денег они тратят на развитие (он как раз закончил MBA, она собирается идти по его стопам) и мечты (лыжи, теннис, лошади). Потом придет время планировать семью. «Мы осуществляем свой план. Ни от чего не отказываемся», — уверяют они. Об увольнениях из-за кризиса они даже не думают: их совсем недавно приняли на новое место работы, потому что в своем деле они первоклассные специалисты.

Куба Кубицкий (31 год) и Ярек Болинский (34 года), владельцы фирмы «Пропеллер-Фильм», могут только позавидовать их стоическому спокойствию. Они специализируются на производстве рекламных роликов и ясно ощутили, что

заказчики урезают рекламные бюджеты. Несколько заказов оказалось под вопросом, возросло нервное напряжение, но они справились. «Мы приспосабливаемся к потребностям рынка, мы в состоянии пойти на значительное снижение цены», — храбро бросает Куба, который наряду с низкой ценой и высоким качеством услуг предлагает клиентам мощную энергию и увлеченность молодой команды. Таким способом «Пропеллер» в последнее время перехватил проекты, которые первоначально должны были достаться известным киностудиям. Эти проекты оказались в их фирме, потому что она дешевле, но совсем не хуже. «Нельзя сказать, что у нас растет число клиентов. Но их остается стабильно столько же, а это большой успех», — говорит Куба и подчеркивает, что если проявлять гибкость, то это всегда себя оправдывает.

— Такими могут быть только молодые поляки. Без комплексов и вперед, — не скрывает радости Дариуш Жук, который вместе с двумя друзьями, Мариушем Турским и Яцеком Александровичем (все 1980 г.р.), создал пять лет тому назад механизм помощи молодежи, начинающей собственный бизнес, — Студенческие инкубаторы предпринимательства (СИП). За это время они выпустили на рынок уже более 2,5 тыс. фирм. В прошлом году к ним обратилось около 300 молодых поляков, а в этом году — уже почти 800. У них эти люди получают дотации от спонсорских фондов и от фондов ЕС на раскрутку бизнеса, в течение года работают под бухгалтерским и маркетинговым зонтиком СИП. А потом им приходится рассчитывать уже только на себя. Создатели СИП и были теми тремя молодыми слушателями, которые легкой улыбкой реагировали на выступление шефа Фонда Кауфмана. Они поехали в Америку и произвели там сенсацию. Их проект, то есть СИП, был признан одной из трех лучших форм поддержки молодых предпринимателей в мире. «Но мы будем самыми лучшими, ибо у нас в стране большой потенциал», — говорит Жук, а проф. Майсон комментирует: «В конце концов мы перестаем быть обществом людей, непрерывно жалующихся, а катализатором перемен становится наш друг кризис».

Яцек Шафадер (32 года), специалист по рекламе и интернет-продажам, на протяжении десяти лет оправдывал профессиональные ожидания своих очередных шефов. А в последние пять месяцев ему уже не надо удовлетворять ничьих ожиданий, кроме своих собственных. Фирма «hoorla.pl», в которой он работал, обанкротилась — теперь он разворачивает собственную деятельность под названием «Афирмада». Он предлагает то же, что и прежде, — то есть применение интернет-рекламы и новых технологий в бизнесе, только на

30% дешевле. «Я чувствую, что могу наконец делать то, что хочу, а кризис парадоксальным образом стал моим союзником. Он привлек клиентов, которым приходится экономить, и они идут ко мне», — рассказывает Яцек, не скрывая своего удовлетворения.

Шафадер — не единственный человек, чью биографию кризис изменил к лучшему. В январе и феврале по данным ГСУ работу потеряло около 160 тысяч человек. Часть из них не сможет найти новое место работы, поэтому будет создавать его для себя. «Мы получаем десятки вопросов о том, как открыть фирму. Еще год назад практически никто не обращался к нам с таким вопросом», — говорит Марек Еречек из портала [przepisnabiznes\[рецепт бизнеса\].pl](http://przepisnabiznes[рецепт бизнеса].pl).

— Революция в жизни часто подталкивает к действию, — дает свое заключение Яцек Санторский, психолог, специализирующийся на проблемах бизнеса, — но одной мотивировки недостаточно, — предостерегает он, — ибо для достижения успеха в бизнесе необходима решительность, а источник ее — в сильном характере.

«Человек с характером», — так оценивает сам себя строитель из Познани Роман Навроцкий (35 лет). Он называет себя «специалистом по выстраиванию всего» и «прекрасным материалом для формирования директорских качеств». Четыре года назад он начинал работать в крупной строительной фирме. Когда наступил кризис, то сначала кончились сверхурочные, а в октябре он услышал: «Sorry, Ромек, ты тут больше не работаешь». До середины декабря он дотянул за счет «халтуры». Январь был драматичным. «Я думал, что с ума сойду без работы», — рассказывает Навроцкий. Поэтому он решил, что больше никто никогда его с работы не уволит, и открыл фирму. Необходимое оборудование у него уже есть, первый клиент — тоже, вдобавок он убежден, что бывший начальник еще пожалеет о своем решении, ибо Навроцкий хочет стать ему серьезным конкурентом.

— Потребность доказать окружению, что ты чего-то стоишь, — вот один из сильнейших стимулов начать экономическую деятельность, — комментирует успехи строителя Ромека проф. Ханна Годлевская-Майковская из Института предпринимательства Главной торговой школы. — Но предприниматель должен быть также готов к риску и уметь быстро реагировать на внезапные изменения.

Такими чертами характера явно обладает Зося Бугайная (28 лет), специалист в области архитектуры логотипа, то есть

формирования его дизайна. Когда-то Зося работала журналисткой на познанском радио, затем без колебаний бросила столицу Великопольши ради столицы всей Польши. Здесь она работала для самых престижных маркетинговых агентств. В ее клиентском портфолио были «Кока-Кола», «Вольво», «Филипс» и «Хайнц». А это невероятный капитал. Расставшись с агентством «Эдельман», она с сентября работает как свободный художник. В качестве фирмы «Bugaĭna Communication» Зося предоставляет услуги даже на 40% дешевле, чем в качестве сетевого специалиста по дизайну. «А когда же, как не в условиях кризиса, конкурентоспособность более всего в цене?» — задает она риторический вопрос, готовясь бороться за клиентов.

Социолога проф. Ханну Свида-Зембу, которая на протяжении нескольких десятков лет занимается изучением проблем молодежи, не удивляет такая конфронтационная позиция молодых поляков. По ее мнению, молодые люди берут жизнь за рога, ибо просто не соотносят кризис с собственной судьбой. Он их не беспокоит, так как они не ощущают непосредственной опасности. Всегда есть какая-то альтернатива.

— Для них, по правде говоря, ничего не происходит. Кризис существует лишь в СМИ, он виртуален, — поясняет Ханна Свида-Земба. И обращает внимание на новый аспект изменений, проявляющихся в молодых поляках. — Мои студенты начали затрагивать на занятиях темы общественного характера. Ранее об этом даже речи не было, — добавляет она. Таким образом лозунг «Мы справимся!» имеет уже двойное измерение — деловое и социальное.

Такие замечания — как бальзам на душу для Мачека Щехуры (33 года), вице-президента Евробанка, который уже много лет активно занимается общественной деятельностью, в частности в гражданском «Проекте: Польша». Миссия «Проекта» — собирать молодых людей вокруг решений, которые изменят нашу страну, превратив ее в современное государство. Щехура вспоминает появившиеся два года назад научные исследования проф. Януша Чапинского, посвященные общественному капиталу, очень они ему запомнились. Если говорить о гражданской активности (доверие к другому человеку, число добровольных ассоциаций и фондов), то Польша выглядит хуже всех в Евросоюзе. Сегодня это в конце концов меняется. А коллега Щехуры (он тоже работал в «Проекте: Польша»), Павел Лисевич (30 лет), сотрудник государственного казначейства, занимающийся поддержкой приватизации, говорит коротко: «Мы вступали в свою

профессиональную жизнь после 1989 года. Нам не пришлось переживать разделов, войн, коммунизма. Мы — самое счастливое поколение в этой стране за двести с лишним лет. Глупо было бы подчиняться чему-то столь ничтожному с исторической точки зрения, как кризис».

Правильно, мы справимся!

СПАСИБО, МЫ ПЕРЕЗВОНИМ

Хуже всего — ждать. Сознание того, что после рассылки множества анкет ты не получаешь ни единого ответа, досаждают не меньше отсутствия денег. Можно утешаться, что тебе нет еще и тридцати, что перед тобой — целая жизнь. Но какое же это утешение, когда старт во взрослость начинается с регистрации в качестве безработного?

Нынешний год должен был стать самым лучшим из всех, какие прожил до сих пор Мартин Радван. Этот 28 летний выпускник Ягеллонского университета по специальности «государственная администрация» незадолго до предыдущих каникул защитил там второй диплом, на сей раз — по истории. «С двумя факультетами, свободным английским языком, хорошим французским, ворохом зачтенных студенческих практик и стажировок, а также с почти гарантированной штатной должностью в банке БПХ я верил, что поймал ветер в паруса и что передо мной открыты все пути в мире», — говорит Мартин. У него в голове даже не мелькнула тогда мысль, что вместо стремительного вступления в профессиональную жизнь его ждут долгие месяцы нервотрепки и унижений в поисках работы.

Вселенная начала для него рушиться осенью, вскоре после краха американского инвестиционного банка «Леман Бразерс», название которого раньше у Мартина практически ни с чем не ассоциировалось. Тем временем психоз, вызванный на финансовом рынке этим банкротством, привел к тому, что работа в краковском отделении банка БПХ, еще недавно находившаяся на расстоянии вытянутой руки, внезапно оказалась несбыточной мечтой. Тому отделу, где предстояло работать Мартину, резко урезали бюджет, а затем его вообще ликвидировали. Позднее всё уже шло только хуже. Анкеты, рассылаемые целыми пачками; в среднем раз в неделю — собеседование в какой-нибудь фирме. Каждое очередное — все дольше и мучительней. Но по-прежнему бесплодное. Подробнейшие расспросы, придирки к мелочам, тест за тестом. Хорошо, если до этого вообще доходило. Из сорока с лишним фирм и учреждений, куда Радван отправил заявления, откликом его удостоил, быть может, десяток. «Везде я слышал до удивления одинаковые ответы: у вас нет опыта, необходимого на этой должности. Словно бы я добивался, по

меньшей мере, кресла вице-президента, а не самой обычного места за полторы-две тысячи злотых в месяц».

Круг таких, как Радван, быстро растет. С конца 2008 г. рынком труда снова заправляют предприниматели, и это плохое известие для 800 с лишним тысяч потенциально новых работников, оканчивающих нынешним летом средние школы и университеты. Речь идет не только об уровне безработицы, которая между декабрем и мартом выросла с 9,5 до 11,2% и будет расти дальше. Правительство ожидает, что в 2010 г. она остановится в районе 14%, пессимисты говорят даже о 17%, то есть о том, что наблюдалось в первый год после вступления Польши в Евросоюз. Проблема в том, что и нынешний кризис — как и предшествующие — сильнее всего ударяет по молодежи, только-только вступающей на рынок труда. Сокращая затраты, предприниматели редко принимают новых сотрудников, а если уж и берут, то не начинающих. С увольнениями всё наоборот: под нож в первую очередь идут кадры, привлеченные в ходе того форсированного набора персонала, который велся на протяжении последних двух-трех лет, когда фирмы сотнями принимали на работу молодежь, лишь бы справиться с растущей горой заказов или обслужить новых клиентов. «Число предложений для выпускников сократилось за нескольких месяцев на каких-нибудь 70%, — считает Кристина Кавецкая из малопольского агентства по найму рабочей силы «Global Business Solutions». — Предпринимателей уже не интересуют ни оценки в аттестате или дипломе, ни число пройденных практик и стажировок. В расчет идет только опыт».

Ничего странного, что уже в марте из условных ста безработных, зарегистрированных в службе занятости, каждый пятый был моложе 25 лет. До конца года к этой возрастной категории может принадлежать каждый третий, не имеющий работы. Среди молодежи уровень безработицы уже сейчас приближается к 22% (в среднем по Евросоюзу он составляет сегодня около 18%), и мало надежд, что в нынешнем году этот показатель остановится, не достигнув 30%. При черном сценарии, если наша экономика вступит в рецессию и останется в таком состоянии два-три квартала, безработица среди выпускников средних и высших школ может дойти даже до 35-40%. Иными словами, она достигнет уровня, который отмечался четыре-пять лет назад, когда экономика только начинала переводить дыхание после замедления, наблюдавшегося в первые годы текущего десятилетия.

Нынешний кризис, откровенно говоря, только раскручивается, и многие отрасли еще не затронуты им всерьез. «В энергетике, информатике или управлении производством выпускники по-прежнему находят первую работу без особых трудностей», — замечает Казимеж Седляк, владелец фирмы кадрового консалтинга «Седляк & Седляк». Это слабое утешение для тех, кто связал свое профессиональное будущее с секторами экономики, больше всего пострадавшими от глобальной рецессии и ее польских отголосков, например с автомобильной промышленностью или строительством.

Влодзимеж Шмигель, 19-летний парень с оконченной школой профессионального обучения в Калише, уже семь с лишним месяцев безуспешно ищет работу по специальности «электромонтер», которой его обучали. Когда год назад он кончал школу, спрос на строителей был огромным. Поэтому Шмигель не очень-то спешил идти на стройку в своих краях. Он устроил себе долгие каникулы в Ирландии, у старшего брата, сочетая их с заработком в евро. «Я был уверен, что в резерве для меня всегда есть работа на стройке у нас в стране за 3-4 тысячи на руки».

В Польшу он вернулся в последних числах октября, когда кончилась работа в польской строительной бригаде в Корке. У начальника вдруг резко сократился объем заказов, и в итоге тот оставил лишь людей с наибольшим опытом. Влодеку он сказал только, что укладывать кабели в стене способна даже его дочка. «Тут я разозлился и вернулся домой, но теперь и у нас с работой хило, — сердится Влодек. — Время от времени я через дружков вылавливаю какого-нибудь мелкого левака, но насовсем не зацепишься».

Безработица среди молодежи, к сожалению, деморализует глубже и быстрее, чем та, что затрагивает людей постарше. Школа, экзамены, общественный порядок — все это должно подготовить человека к первой работе. И вдруг этой работы нет. Один, второй, третий отказ может оказать разрушительное воздействие на молодую, еще только формирующуюся личность. «Поражения, в действительности вытекающие из ухудшения конъюнктуры, легко могут привести человека к уверенности в недостаточной собственной ценности, в своей прямо-таки непригодности, — объясняет Иоанна Хайдтман, специалист по социальной психологии из Ягеллонского университета. — Среди тех, кто испытал безработицу сразу же после окончания школы, на рынок труда никогда уже не вернется намного больше лиц, чем из числа тех, кто потерял работу на более позднем этапе карьеры».

Горечь безработицы у молодых выпускников высших учебных заведений усугубляется, если они вложили труд в получение такого образования, которое было спрофилировано под конъюнктуру, а не по собственной заинтересованности. Молодые люди, то ли сами по себе, то ли поддавшись уговорам родителей, выбрали правоведение, маркетинг либо банковское дело, потому что несколько лет назад казалось, будто в этих сферах всегда будет светить солнце. Сегодня они с ужасом обнаруживают, что эта инвестиция — отнюдь не страховой полис от безработицы. «Они с трудом взобрались на верхушку лестницы, которая была приставлена не к той стене», — так определяет эту ситуацию американский антрополог Джозеф Кэмпбелл. «Многие из моих знакомых по учебе слышат теперь от предпринимателей: будьте гибкими, поменяйте профессию. Интересно, а сумели бы они сами с такой легкостью перечеркнуть пять лет жизни, — возмущается Изабелла Яблонская, прошлогодняя выпускница Вроцлавского университета по специальности «политология», работающая сегодня на ставке в магазине готовой одежды. — Да и за какие деньги мне, кстати говоря, переквалифицироваться, если моего оклада едва хватает на то, чтобы снимать комнату».

Когда шесть лет назад Иза начинала учиться, экономика как раз встряхивалась после предыдущего кризиса. Быстро падавшая безработица, укреплявшийся злотый, растущие заработки казались многим ее ровесникам явлением столь же естественным и старым, как цикл времен года. «Я выбрала себе несколько практик и стажировок в области связей с общественностью, потому что такая работа подходила к моему образованию, — объясняет Иза. — Кроме того, газеты были полны подобных предложений, и я испытывала уверенность, что связываю свое будущее с перспективной сферой. Когда осенью в прессе слово «кризис» начали склонять во всех падежах, число приглашений на работу по пиару и связям с общественностью резко сократилось — как и бюджеты, выделяемые фирмами на услуги таких агентств». Иза сбавила тон и начала искать другую офисную работу, хотя бы ассистентки или секретарши. Безрезультатно. «Я остолбенела: оказалось, что девушка, подающая документы на подпись директору или президенту и управляющая графиком его дел, должна теперь знать не меньше двух иностранных языков, а приветствуются еще и две или три специализации. Интересно, много ли начальников в Польше обладают таким образованием?» Иза уже знает, в чем больше всего нуждается сегодня молодежь: сразу после учебы получить в Польше хорошую работу. «Хорошую» не означает «хорошо оплачиваемую» — ей хватило бы пока полторы тысячи злотых

на руки. «Лишь бы только заниматься чем-нибудь поумнее, чем заваривать кофе или подавать брюки в магазине. Чем-то таким, что дает шанс на развитие и в перспективе — на действительно приличные заработки».

Иначе видят ту же самую проблему предприниматели. По их мнению, несколько лет непрерывного бума на рынке труда взвинтили материальные запросы молодых людей до абсурда. Как сообщает Главное статистическое управление, только в прошлом году средняя начисленная зарплата выпускника выросла с 1,6 до 2,5 тыс. злотых. В Варшаве мало кто после солидного учебного заведения готов был приступить к работе за сумму меньше 3,5–4 тыс. зл. в месяц. Денежные аппетиты молодежи разжигались как открытием новых финансовых учреждений: банков, агентств инвестиционного консалтинга, страховых фирм, — так и развивающейся деятельностью иностранных инвесторов в Польше. Например, в Неполомице под Краковом немецкий концерн MAN открыл завод по сборке грузовиков, наняв на работу 550 человек и, конечно же, высоко взметнув ставки заработной платы. Окрестные предприниматели оказались вынужденными приспособиться к предлагавшемуся там уровню зарплаты. Пан Ежи, директор по кадрам одной фирмы, выпускающей упаковки неподалеку от Неполомице, считал тогдашние финансовые ожидания выпускников просто наглостью. «Молодой человек, совершенно зеленый в профессиональном смысле, приходил на собеседование и с места в карьер заявлял, что нам не о чем разговаривать, если мы не можем заплатить ему минимум 3 тыс. злотых чистыми, — раздраженно вспоминает он. — Сегодня, когда MAN уволил уже 150 человек, те же самые люди готовы сражаться за оклад в две тысячи».

Кризис на самом деле остужает денежные аппетиты молодых. «У меня уже нет чрезмерно высоких требований, мне хватит 1200–1500 злотых на руки», — утверждает Мартин Ковальский, прошлогодний выпускник средней школы из городка Оборы под Торунью, до сих пор остающийся без работы. Пока что он охотнее всего стал бы заниматься продажами по телефону либо через Интернет или же сделался коммивояжером, чтобы иметь время на высшее экономическое образование, которое он видит как пропуск в будущую, достойно оплачиваемую работу. С той лишь разницей, что в кризисные периоды даже повышение квалификации не всегда это гарантирует. 24-летняя Юстина Павловская из Полупина в Любушском воеводстве после средней школы окончила учебный курс по специальности «администрация и логистика», но работу себе никак не находила. Штатную должность в фирме,

производящей промышленные холодильные установки, она получила в ноябре после новых курсов, где готовили... сварщиков. «Работы при кризисе хватает, не хватает только денег. Уже шесть месяцев я не получаю премию», — говорит Юстина, добавляя, что на снижение основной зарплаты она уже не согласится.

Всё имеет свои границы. Консультанты по трудоустройству утверждают, что предприниматели не должны рассчитывать на возврат к временам поколения, получавшего в начале десятилетия 1200 злотых в месяц, то есть к молодой армии послушных, дисциплинированных рабов, которые гнут спину, горбят по десять и больше часов в сутки за жалованье, близкое к минимальной зарплате. Открытие европейских рынков труда привело к тому, что предложение отечественных фирм больше не остается единственным доступным, даже если шансы на хорошо оплачиваемую работу за границей сегодня значительно уменьшились. Однако самая большая перемена произошла в обычаях, нормах и ценностях труда. Еще несколько лет назад на рынке имел хождение миф о трудоголике, который достигает главных для себя целей в первую очередь на работе. «Сегодня большинство молодежи рассматривает работу уже не как место реализации своих жизненных запросов и устремлений, а как источник доходов, дающих возможность самореализации в других плоскостях, например в семейной или связанной с хобби», — полагает Юстина Липовская, руководитель отдела вербовки фирмы кадрового консалтинга HRK.

Превращение поколения процветания в поколение кризиса — это, понятное дело, не только польская специфика. В Германии за последние 12 месяцев процент безработных моложе 25 лет возрос даже до 22%. В Испании отсутствует работа у каждого третьего молодого человека, хотя год назад эта проблема касалась лишь 15% из них. Всё больше трудностей с первичным введением молодых людей на рынок труда испытывают и такие зажиточные страны, как Великобритания, Швеция или Франция, а в более бедных, например в Греции или Италии, всё чаще дело доходит до уличных протестов молодежи, сражающейся за первое рабочее место.

Виноват в этом не только кризис. В странах с глубоко этатизированной экономикой и сильными профсоюзами рынок труда легко застывает, потому что привилегии работников трудно примирить с интересами тех, кто еще только борется за первую в жизни вакансию. Ситуацию обостряют последствия глобализации, которая забирает из Европы рабочие места по производству простых товаров, чем

раньше занимались выпускники профессиональных училищ или средних школ. Наряду с этим в технологически продвинутых отраслях отчетливо видна недостаточная приспособленность квалификации, вынесенной из учебного заведения, к нуждам текущего рынка труда. Европейская комиссия уже в 2007 г. была тревогу по поводу того, что почти каждый второй выпускник высшей школы в Евросоюзе по существу не подготовлен к занятиям хоть какой-нибудь профессиональной деятельностью. В Польше, где среди выпускников университетов и институтов до сих пор преобладают гуманитарии, эта проблема еще серьезнее.

Итак, действительно ли мы приговорены к росту армии молодых безработных? Необязательно. В будущем году экономика должна снова приступить к созданию новых рабочих мест, но уже сегодня просматриваемая впереди демографическая яма ощутимо уменьшит численность молодежи в средней и высшей школе, а это через несколько лет значительно ослабит ее давление на рынок труда. Таким образом, поколение кризиса не успеет окрепнуть.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Согласно опросу Лаборатории социологических исследований, накануне июньских выборов в Европарламент самой большой поддержкой пользуется «Гражданская платформа» (ГП, 48%). Следующие места занимают «Право и справедливость» (ПиС, 30%), Союз демократических левых сил (9%) и крестьянская партия ПСЛ (5%). Поддержка других партий ниже 5 процентного избирательного барьера. («Газета выбора», 13 мая)

• „Европейская народная партия (ЕРР), в которую входят 74 христианско-демократические, консервативные и крестьянские партии из 34 стран Европы, впервые проводит свой конгресс в Варшаве. Во Дворец культуры и науки прибудет более двух тысяч гостей, в т.ч. канцлер Германии Ангела Меркель, председатель Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу и председатель Европарламента Ханс-Герт Поттеринг (...) Депутаты Европарламента разделены на политические фракции. В настоящее время их семь. Самая крупная (285 депутатов) — это коалиция Европейской народной партии и Европейских демократов (ЕРР — ЕД) (...) Польшу в ней представляет ГП и один евродепутат от ПСЛ (...) Вторая сила Европарламента — Партия европейских социалистов (PSE), в которую объединены европейские социал-демократы (...) Из Польши в состав PSE входят Союз демократических левых сил и «Уния труда» (...) Евродепутаты из Польши, представляющие ПиС и «Самооборону», входят в «Союз за Европу наций» (UEN), который объединяет евроскептиков и националистические правые партии”. («Жечпосполита», 29 апреля)

• „Лех Валенса, лидер «Солидарности» и бывший президент Польши, выступил в четверг на варшавском конгрессе европейских христианских демократов с важнейшей речью. Его чествовали как героя (...) Большое впечатление произвел короткий фильм о Валенсе и «Солидарности», в котором об исторической роли польского профсоюзного движения говорили бывший президент Франции Валери Жискар д’Эстен и бывший президент США Джордж Буш-старший (...) «Европа помнит, что все началось здесь, в Польше, с переговоров за

«круглым столом». Мирная революция изменила Европу», — сказал Баррозу». («Газета выборча», 2-3 мая)

• Марек Зюлковский, профессор познанского Университета им. Адама Мицкевича, вице-маршал Сената: „«Круглый стол» стал большим успехом (...) во времена, когда во всех странах коммунистического блока еще стояли советские войска, а об открытии железного занавеса можно было только мечтать (...) «Круглый стол» привел к мирному и бескровному свержению коммунистической диктатуры (...) Смена государственного строя не была ни реформой сверху, ни революцией снизу: она была договоренностью элит режима и оппозиции (...)» Согласно опросу ЦИОМа, 41% поляков оценивает «круглый стол» положительно, и лишь 11% — отрицательно; 44% оценивают его как «общественный договор», и только 26% — как «сговор элит». «Наиболее разумным в сложившейся ситуации» назвали его 30%, 37% согласны с утверждением, что «он имел свои хорошие стороны, но компромисс зашел слишком далеко», и только 8% оценивают его как «ненужную уступку коммунистическим властям». Подавляющее большинство поляков уверено, что соглашения «круглого стола» «сделали возможной мирную, бескровную передачу власти» («да» — 74%, «нет» — 8%), хотя, с другой стороны, «привели к тому, что в Польше режим и его главные представители не ответили за свои преступления» («да» — 51%, «нет» — 21%). Лишь меньшинство считает, что это соглашение было ненужным, потому что старый строй и так вскоре бы рухнул («да» — 27%, «нет» — 47%)». («Газета выборча», 25-26 апр.)

• Бывший президент Польши Александр Квасневский: „Нас с трудом можно было назвать даже периферией Европы, а сегодня мы важная ее часть. Даже если нам всё еще кажется, что не настолько важная, как мы ожидали”. («Политика», 9 мая)

• „Здание Европарламента. В середине — огромный овальный холл, в который сверху падают лучи солнца. Через этот холл проходит каждый посетитель Европарламента, в том числе многочисленные экскурсионные группы. Именно там во вторник повесили мемориальную доску с надписью «Зал Бронислава Геремека» (...) «Мой отец был поляком, евреем и свидетелем зверств XX века. И вот сегодня имя мальчика, ученика Януша Корчака, с улиц варшавского гетто попало сюда, в далекий Страсбург, город, символизирующий объединенную Европу», — сказал Мартин Геремек». («Газета выборча», 22 апр.)

• „«Я не хочу, чтобы 4 июня [в годовщину победы «Солидарности» на парламентских выборах 1989 г. — Ред.] профсоюзные деятели с флагами «Солидарности» били дубинками полицейских и наоборот (...)», — сказал вчера Дональд Туск. И перенес политическую часть празднования из Гданьска в Краков, чтобы не пересекаться с демонстрациями, которые профсоюзы запланировали на этот день у памятника погибшим судостроителям (...) Поэтому приглашенные в Польшу премьер-министры Вышеградской группы встретятся с молодежью на Вавеле. В Краков приедет и канцлер Германии Ангела Меркель”. («Польша», 8 мая)

• „Юзеф Пшибыльский, 1943 года рождения (...) Слесарь и сварщик. В 1978-1980 гг. — помощник Богдана Борусевича, печатник и распространитель листовок и независимых журналов (...) В августе 1980 г. — один из организаторов забастовки в гданьском «Будиморе». В числе других подписал августовское соглашение 1980 года. В сентябре 1980 г. эмигрировал в Бельгию (...) Не любит подожженных шин, воя сирен, стука касок и пустословия (...) «Когда в моей брюссельской фирме дела пошли плохо, мы с товарищем решили: выхода нет, будем работать за полставки, три дня я и три дня он. А они [судостроители], когда предприятие разваливается, колотят касками в двери Европарламента (...) А те, кто подписал [в августе 1980 г.] Гданьское соглашение — собрались ли они отпраздновать вместе хоть одну годовщину? Более того: они организуют в августе конкурирующие друг с другом торжества! Слово «Солидарность» не объединяет, а разделяет. Одни обвиняют других в присвоении названия профсоюза. Когда я смотрю на это, мне становится все более ясно, что это — не моя «Солидарность»”. («Польша», 8 мая)

• „В пятницу Лех Валенса был гостем конгресса, положившего начало общеевропейской избирательной кампании в Европарламент партии евроскептиков «Либертас» (...) «Трудно разобраться в неожиданных политических выражениях Леха Валенсы. В Польше он поддерживает ГП, которая слепо одобряет евроинтеграцию, а в Италии — евроскептиков из «Либертаса»», — говорит депутат от Пис Коваль”. («Жечпосполита», 2-3 мая)

• „«Я сделал это не бесплатно», — сказал Лех Валенса в интервью каналу ТВН-24 о своем выступлении 1 мая на международном съезде «Либертаса» в Риме”. («Жечпосполита», 4 мая)

• „Европейские дотации (29,5 млрд. евро) превысили взносы, уплаченные Польшей за пять лет членства в ЕС (13,4 млрд.

евро), на 16 млрд. евро (по нынешнему курсу — 70 млрд. злотых)”. («Впрост», 10 мая)

- „44,4 млрд. злотых выплачено польским крестьянам непосредственно из бюджета ЕС, 4968 км дорог отремонтировано и проложено благодаря финансированию из бюджета ЕС, только за последние два года около 800 тыс. поляков получили официальную работу в странах ЕС, 350 законов и постановлений регулируют введение в Польше европейских норм”. («Жечпосполита», 30 апр. — 1 мая)

- Профессор Варшавского университета Ежи Вилькин: „После вступления в ЕС в 2004 г. к крестьянам потекли огромные, беспрецедентные деньги. Но крестьяне должны были приспособиться к господствующим на общем рынке условиям, соблюдать европейские нормы — например, связанные с качеством продукции (...) К сожалению, часть дотаций они просто проели (...) Но, с другой стороны, река прямых дотаций, которая текла к большинству крестьян в первые три года нашего членства в ЕС, имела смысл. Она вызывала у крестьян положительное отношение к Единой сельскохозяйственной политике и позволяла уменьшить цивилизационную пропасть между городом и деревней. После вступления Польши в ЕС у крестьян появилась наконец уверенность в завтрашнем дне”. («Газета выборча», 27 апр.)

- „Согласно европейскому экологическому законодательству, 16% территории Польши находится под особой охраной. Брюссель убеждает: заботиться об окружающей среде и беречь природу нужно, потому что без нее мы погибнем. Эта сфера регулируется, ни много ни мало, шестьюстами директивами, постановлениями и другими правовыми актами. Вступая в ЕС, Польша обязалась их соблюдать. В ближайшие 20 лет соблюдение экологических норм обойдется Польше в 120–140 млрд. злотых. Более половины этой суммы мы получим из европейского бюджета. Европейский фонд уже сейчас финансирует 83 крупные польские водно-канализационные системы”. («Газета выборча», 30 апр. — 1 мая)

- С 1 мая гражданам государств ЕС уже не нужно получать разрешение, чтобы купить в Польше участок под строительство. По данным министерства внутренних дел и администрации, в прошлом году такие разрешения получили 106 иностранцев: 49 немцев, 14 англичан, 10 австрийцев, по 7 французов и шведов. («Жечпосполита», 27 апр.)

- Пять лет Польши в ЕС — сравнение экономических показателей Польши в 2004 и 2008 гг.: ВВП (в млрд. зл.) — 925 и

1266; ВВП на душу населения (в тыс. евро) — 9 и 13,5; прямые иностранные инвестиции (в млрд. евро) — 10,2 и 11,2; безработица — 19% и 9,5%; экспорт (в млрд. евро) — 65,9 и 114,6; импорт (в млрд. евро) — 70,3 и 139,3. Данные предоставили ГСУ и Польский национальный банк. («Политика», 25 апр., вкладыш «Польша в ЕС. Первые 5 лет», а также опровержение в «Политике», 2 мая)

• Согласно опросу ГфК «Полония», „52% поляков самым большим достижением последних 20 лет считают вступление в ЕС. Кроме евроинтеграции, мы высоко ценим создание свободного рынка (28% респондентов) и появление больших частных фирм (24%). Немного меньше опрошенных назвали также работу в Польше многочисленных иностранных фирм (...) Каждый четвертый поляк считает достижением возможность купить любую валюту. Для каждого десятого успех — это частные школы, вузы, банки, поликлиники”. («Жечпосполита», 4 мая)

• Согласно опросу ГфК «Полония», 77% поляков довольны членством Польши в ЕС. 55% хотят, чтобы в Евросоюз вступила Украина, 39% высказываются за вступление в ЕС Хорватии, 31% — Белоруссии, а 27% — Турции. Членство в ЕС Грузии поддерживают 17% опрошенных, Сербии — 16%, России — 15%, Македонии — 13%, Черногории — 11%. («Жечпосполита», 29 апр.)

• Бывший президент Польши Александр Квасневский: „Как это расценивать? Польша подписала Лиссабонский договор, но не ратифицирует его. Хочет участвовать в европейских проектах, но критикует европейские прогнозы (...) Устраивается большое празднество с приездом премьеров нескольких стран, но проходит оно на фоне подожженных шин. Сначала эти премьеры слушают выступление Леха Валенсы на тему Европы, а на следующий день видят его фотографию с выступления на конгрессе антиевропейской партии «Либертас»”. («Пшеглэнд», 17 мая)

• „Евросоюз торжественно открыл программу «Восточное партнерство», направленную на сближение с шестью бывшими республиками СССР: Украиной, Белоруссией, Молдавией, Грузией, Арменией и Азербайджаном (...) Польско-шведскую инициативу удалось реализовать в рекордные сроки — премьер-министр Дональд Туск изложил и представил ее на саммите в Брюсселе меньше года назад”. («Жечпосполита», 8 мая)

- „По официальным правительственным данным, в 2004–2008 гг. из Польши уехало на заработки более 2,2 млн. человек (...) Больше всего поляков выехало в Великобританию, Германию и Ирландию (...) В Польше наиболее ощутимым последствием массовой эмиграции стало снижение безработицы. За менее чем четыре года она упала с 20 до менее 10% (...) Из данных польского Нацбанка следует, что в 2004–2008 гг. эмигранты переслали в Польшу около 80 млрд. злотых. Для нашего ВВП, намного превышающего 1 триллион, 100 млрд. — это немного, но эти деньги помогли ограничить зоны нищеты в восточных районах страны, наиболее страдающих от безработицы. Они также значительно подстегнули потребление, благодаря чему содействовали росту ВВП”. (Томаш Доминьяк, «Польша», 27 апр.)
- „Экономическое замедление и растущая безработица привели к тому, что мы начали ограничивать затраты на потребление. По данным ГСУ, в марте мы купили на 0,8% меньше товаров, чем год назад”. («Польша», 28 апр.)
- „Растет количество «плохих» кредитов (...) В случае домашних хозяйств число кредитов, находящихся под угрозой, выросло на 25% (с 10,4 млрд. до 13,1 млрд. злотых). В секторе задолженности по предприятиям рост составил 12,4% (с 12,2 до 13,7 млрд. злотых)”. («Жечпосполита», 15 апр.)
- „Только в январе и феврале в Польский долговой реестр было внесено 50 тыс. имен (...) В течение первых двух месяцев этого года сумма непокрытых банковских задолженностей выросла более чем на 1,3 млрд. злотых. Это в три раза больше, чем за тот же период 2008 года”. («Дзенник», 27 апр.)
- „В первом квартале 2009 г. в Польше зарегистрировано 105 банкротств. Это на 11% больше, чем год назад (...) Обанкротились главным образом фирмы из отрасли производства и услуг”. («Впрост», 3 мая)
- „По расчетам министерства финансов, в апреле инфляция выросла до 3,9% (с 3,6% в марте) (...) Инфляцию подстегивают в основном растущие цены на продукты питания (...) Выросли и цены на горючее (...) Немного дороже обойдется теперь отдых, обустройство квартиры, пресса и связь”. («Дзенник», 5 мая)
- „Министр труда Иоланта Федак сообщила, что уровень безработицы снизился с 11,2% в марте до 11% в апреле”. («Дзенник», 1 мая)

- „Поразительные успехи польской экономики: в марте промышленное производство было всего на 2% ниже, чем год назад (...) Так что по сравнению с остальной Европой мы лидируем. В феврале (более свежих данных пока нет) производство в ЕС снизилось на 17,5%. А в Германии оно упало на 20,6%”. («Дзенник», 6 апр.)

- Проф. Станислав Гомулка: „В марте этого года у нас было на два рабочих дня больше, чем год назад. ГСУ подсчитало, что с учетом этого фактора производство упало почти на 11%”. («Дзенник», 21 апр.)

- „Министерство финансов без труда продало десятилетние облигации (...) После неудачных торгов правительственными облигациями Италии и Великобритании продажа польских правительственных бумаг при троекратно более высоком спросе инвесторов — это успех (...) Вместо запланированных 1,5 млрд. злотых объем продаж составил почти 5 миллиардов, поэтому организованы дополнительные торги”. («Жечпосполита», 9 апр.)

- „По данным ГСУ, прошлогодний дефицит сектора правительственных и местных учреждений достиг 49,5 млрд. злотых, т.е. 3,9% ВВП. Это на 11 млрд. больше, чем допускают маастрихтские критерии (...) Согласно критериям вступления в зону евро, дефицит не может превышать 3% объема экономики, т.е. в Польше — 38 млрд. злотых”. («Дзенник», 23 апр.)

- „Начиная с 2004 г. продовольствие стало нашим основным экспортным товаром. В 2004 г. на рынки ЕС было продано около 70% экспортируемых нами продуктов питания, а в 2008 г. эта цифра выросла до 90% (...) Если еще в 2002 г. с польских конвейеров сошло менее 300 тыс. автомобилей, то в 2008 г. их было 864 тысячи (...) Более 90% этой продукции идет на экспорт (...) Еще в 2003 г. польский ВВП составлял 43% средней по ЕС, а в 2008 г. достиг уже 51%”. («Польска», 29 апр.)

- „Через пять лет в Польшу прибудет первое судно со сжиженным газом. Польская нефтегазовая компания (ПНГК) подписала договор с катарским концерном (...) До 2014 г. мы будем получать по 1 млн. тонн сжиженного газа (LNG) в год. Это означает, что после регазификации в проектируемом газопорте близ Свиноустья к польским потребителям будет поступать около 1,6 млрд. кубометров катарского топлива в год. В настоящее время спрос на газ в Польше составляет около 13,5–14 млрд. кубометров в год”. («Жечпосполита», 16 апр.)

- „Вчера участники консорциума, планирующего строительство газопровода из Норвегии в Швецию и Данию, приняли решение о приостановке этого проекта (...) После краха «Сканледа» у Польши осталась лишь одна инвестиция, дающая шанс на поставки нероссийского газа, — газопорт”. («Жечпосполита», 30 апр. — 1 мая)

- „В последнем рейтинге инвестиционной привлекательности компании «PricewaterhouseCoopers» наша страна поднялась с 15 го места на 5-е. В списке 20 государств нас опережают лишь четыре — Чили, Болгария, Малайзия и Китай. Всё более высокие оценки Польши связаны с низким инвестиционным риском (...) Нас выгодно отличает большой рынок труда, стабильная политическая ситуация и членство в ЕС (...) Но приток инвестиций ограничен кризисом. Уже в прошлом году он уменьшился с 16,6 до 12 млрд. евро (...) В 2008 г. 834 менеджера из 43 стран, опрошенных аудиторской компанией «Ernst & Young», назвали Польшу лучшим в Европе местом для инвестиций”. («Жечпосполита», 30 апр. — 1 мая)

- „Согласно вчерашнему прогнозу Еврокомиссии, в этом году польская экономика сократится на 1,4% (...) Дефицит государственных финансов достигнет в этом году 6,6% ВВП, а в будущем — 7,3% (...) «Прогноз Еврокомиссии ошибочен. Мы предвидим в этом году экономический рост», — утверждает министр финансов Яцек Ростовский (...) Даже если бы Еврокомиссия была права, то и так на фоне других стран мы выглядим очень хорошо. Экономика Германии сократится на 5,4%, а Ирландии — на 9%”. («Польска», 5 мая)

- „В октябре МВФ прогнозировал, что экономика Польши вырастет в этом году на 3,8%. В январе Еврокомиссия говорила о 2% роста, в марте Всемирный банк — о 0,5%, в апреле МВФ предсказывал падение на 0,7%. Наконец, в понедельник Еврокомиссия сообщила, что наша экономика сократится на 1,4%. Очевидно, не только наш министр финансов был слишком оптимистичен в своих прогнозах, предсказывая рост сначала на 4,8%, потом на 3,7% и наконец — на 1,7% (...) Гораздо опаснее прогнозируемого сокращения экономики — рост дефицита государственных финансов. По мнению Еврокомиссии, он достигнет 6,6% в этом году и 7,3% в будущем, по мнению же министра Ростовского — 4,6% (...) Так или иначе, нас ждет несколько лет высокого уровня безработицы и роста фискальной нагрузки”. (Рышард Хольцер, «Тыгодник повсехный», 10 мая)

- „По мнению Европейского банка реконструкции и развития, в этом году ВВП Польши не изменится, а будущем вырастет на

0,8%. Это самый высокий показатель среди стран Восточной и Центральной Европы, где в 2009 г. экономика сократилась в среднем на 2,9%”. («Дзенник», 8 мая)

- „Правительство обнародовало свои предложения по бюджету на следующий год. По мнению министерства финансов, в 2009 г. экономика вырастет на 0,5–1,3%, инфляция составит 1,5–1,9%”. («Дзенник», 6 марта)

- „Польские города охватила мода на собственные монеты. Первые (именуемые «мерками») отчеканила в 2006 г. Ястарня. С тех пор ввести собственную валюту решили полтора десятка польских городов — в т.ч. Краков, Познань, Сопот, Мальборк и многие города Силезии. Местные деньги называются по-разному: дукаты, яцеки, талеры, фунты, янтари, цидеры, рыбники, крейцеры, динары. Как правило, эмиссия составляет около 20 тыс. монет. В основном монеты чеканятся из меди, а также, в небольших количествах, из серебра и золота”. («Польска», 27 апр.)

- „В 2008 г. благодаря отчислениям от налогов общественно-полезные организации получили 292 млн. злотых. Жертвователями стали более 5 млн. граждан. В 2003 г. налогоплательщики — около 80 тыс. человек — отчислили от своих налогов около 10 млн. злотых”. («Пшеглэнд», 26 апр.)

- „По данным Института статистики католической Церкви, в 2000 г. на воскресную мессу ходило 47,5% верующих, в 2004 г. — 43,2%, в 2008 г. — 40,4%”. («Газета выборча», 30 апр. — 3 мая)

- „В 2008 г. в духовные семинарии поступало 695 юношей. Это на 10% меньше, чем год назад. Число кандидатов в священники систематически падает. За последние годы — почти на 40%. Еще в 2005 г. на первый курс в семинарии было зачислено 1145 человек”. («Газета выборча», 29 апр.)

- „«Transparency International Polska», неправительственная организация, занимающаяся борьбой с коррупцией (...) за несколько десятков тысяч злотых выдает оказавшейся в трудной ситуации фирме сертификаты морали. Выданный «Transparency» сертификат морали — это свидетельство, что фирма функционирует прозрачно и непричастна к коррупции (...) В частности, в 2008 г. за несколько десятков тысяч такой сертификат получил футбольный клуб «Видзев» (Лодзь) (...) Тогда он как раз пытался предотвратить перевод в низшую лигу за коррупционные преступления”. («Дзенник», 30 апр.–1 мая)

• Проф. Януш Чапинский из Варшавского университета:
„Сущность общественного капитала — это связь между людьми и способность к сотрудничеству. Его можно измерять уровнем доверия, коррупцией, социальной активностью, развитостью неформальных связей, количеством знакомых, друзей, членством в разных организациях (...) На определенном уровне зажиточности человеческий капитал перестает играть роль — важным становится капитал общественный. Начиная с 2000 г. этот уровень находится где-то между 8 и 10 тыс. долларов ВВП на душу населения. У нас сейчас он составляет около 7 тысяч. Когда мы перейдем эту отметку, ключом к дальнейшему росту будет уже не то, что каждый носит в себе (образование, здоровье, индивидуальная подготовка), а то, что существует между нами. Слабость общественных связей — недоверие, коррупция, nepotизм, отсутствие неофициальных контактов, замкнутость в своих маленьких мирках — превратится в тормоз необычайной силы. У поляка, который не доверяет никому, кроме семьи, есть на то причины: те, кому он не доверяет, не доверяют ему. В такой атмосфере общие действия не могут быть эффективны (...) Польша — это страна с одним из самых низких общественных капиталов в мире (...) За 20 лет, в течение которых в Польше исследовался общественный капитал, мы не продвинулись ни на шаг”. («Политика», 18 апр.)

• Ежи Нойман, адвокат: „Уволена [ведущая Польского телевидения] Ханна Лис. Как должна была поступить Ханна Лис, когда ей дали заведомо незаконное распоряжение пустить в эфир объективно ложную информацию? (...) На государственные СМИ возложена миссия (...) Выпускать в эфир ложь — это измена миссии (...) Журналисты не должны стоять перед столь драматическим нравственным выбором (...) Намного более эффективную защиту от патологий дает правильный подбор людей, а не буква закона (...) Разве законодательство виновато в том, что общественной и государственной жизнью все чаще управляют личности, которые ни за что не должны были оказаться на занимаемых ими должностях?” («Газета wyborча», 2-3 мая)

• „Канцелярия президента закупает доски, гвозди и металлическую сетку, из которых должны быть сооружены три тысячи курятников для грузинских беженцев из Южной Осетии. «Грузинское правительство построило для них дома, а к нам обратилось за помощью в сооружении курятников», — говорит Малгожата Госевская из канцелярии президента”. («Впрост», 3 мая)

- „Согласно опросу ЦИОМа, президента Леха Качинского хвалят 23% поляков, а критикуют 68% (...) Хуже всего о Качинском (хоть он и профессор) думают люди с высшим образованием”. («Газета wyborcza», 16 апр.)

- „До президентских выборов остался год. Согласно опросу Института Номо Номіні, сегодня 30% избирателей собираются поддержать кандидатуру Дональда Туска, 16% — Леха Качинского, а 14% — Владимира Цимошевича”. («Жечпосполита», 11 мая)

- „«Это был хороший день для польско-российских отношений», — сказал министр иностранных дел Радослав Сикорский о своем визите в Москву (...) «Обе стороны стремятся к улучшению взаимоотношений, — заверил Сергей Лавров. — В целом мы удовлетворены тем, что, несмотря на сохраняющиеся во многом субъективные трудности, правительство Туска проводит линию на преодоление перекосов в наших отношениях»”. («Жечпосполита», 7 мая)

- „Помимо деклараций о хозяйственном обмене и энергетическом сотрудничестве, Лавров сообщил также о возобновлении фестиваля русской песни в Зеленой-Гуре. «Это показывает, как важен был этот визит», — улыбается Дмитрий Бабич”. («Польска», 7 мая)

- „Российские СМИ: осквернено кладбище советских солдат. «Сгорело несколько венков — вероятно, они занялись от свечей», — объясняет варшавская городская стража”. («Жечпосполита», 11 мая)

- „Российский МИД протестует против «осквернения кладбища советских солдат в Варшаве» (...) Заявление министерство опубликовало на своем сайте. (...) «Это не был какой-то особо сильный пожар, — сообщила пресс-служба варшавского отделения пожарной охраны. — На двух квадратных метрах сгорело полтора десятка венков. Тушение длилось меньше получаса. С этим справился один пожарный. Серьезных повреждений не зафиксировано. Нет причин подозревать и умышленный поджог”. («Газета wyborcza», 12 мая)

- „Только за первый квартал экспорт в Россию сократился на 40%. Новые, более высокие налоги ограничивают его еще сильнее”. («Дзенник», 11 мая)

- „Двух российских дипломатов попросили покинуть Польшу. По требованию Варшавы из Польши уехали представители военного атташе, а Москва в ответ выслала двух польских

дипломатов, — сообщило агентство Интерфакс, уточняя, что инцидент имел место в конце прошлого года”. («Тыгодник повшехный», 10 мая)

- „По данным польской Службы военной контрразведки, Алексей К. и Сергей П., два заместителя военного атташе посольства Российской Федерации в Варшаве, создавали у нас сеть платных информаторов, вербовавшихся среди офицеров польской армии (...) Один из офицеров сообщил об этом СВК и был использован в игре с россиянами, создавая видимость сотрудничества”. («Газета wyborча», 7 мая)

- „В Варшаве есть несколько тайных, обнаруженных много лет спустя тюрем НКВД (...) На ул. Сверща, 2, в вилле «Ясный дом», содержались, в частности, ротмистр Витольд Пилецкий и генерал Эмиль Фильдорф (...) Застенки НКВД будут взяты под охрану воеводским инспектором по охране памятников культуры. Среди первых в реестр исторических памятников попадут тюрьмы на ул. Сверща, 2 и на Стшелецкой, 8, а также на ул. 11 ноября 1968 года”. (Александр Пинкас, «Жечпосполита», 28 апр.)

- Адам Ротфельд: „Согласие в группе по трудным вопросам зависит от визита Путина (...) Российские ученые, входящие в состав группы, руководствуются профессионализмом и известны своей добросовестностью и честностью в этом исключительно болезненном вопросе [катынского преступления]. Мы составили список из 14 трудных проблем. Среди них польско-советская война, вопрос о советских военнопленных, содержащихся в начале 1920 х в нашей стране, репрессии против польского населения в СССР в начале 1930 х, отношение к Коминтерну, нападение Красной армии на Польшу [17 сентября 1939]. Есть и вопросы периода ПНР. Однако важнее всего Катынь. Без выяснения всех фактов и обстоятельств и без предоставления польской стороне документов, касающихся этого преступления, мы не продвинемся дальше (...) Самое главное — что россияне всё еще готовы разговаривать. 26 мая в Варшаве самые знаменитые историки будут говорить о причинах II Мировой войны. На следующий день в Кракове встречается наша группа”. («Дзенник», 15 апр.)

- „15 лет спустя Легница снова привлекла внимание россиян. На этот раз речь идет не о размещении в городе 50 тысячного военного гарнизона, а об экскурсии и культурном опыте. Благодаря фильму «Малая Россия» Вальдемара Кшистека россияне вспомнили, что в Нижней Силезии есть город, который для многих был самым важным в Центральной Европе

(...) Фильм рассказывает о трагической любви жены русского военного к польскому офицеру. Действие происходит в Легнице и основано на подлинных событиях. Ежегодно в день поминовения усопших легничане возлагают цветы и зажигают свечи на могиле Лидии Новиковой, которая предпочла самоубийство разлуке с любимым”. (Томаш Возняк, «Польска», 29 апр.)

• Владимир Гринин, посол России в Польше: „Я мечтаю о создании специальной межправительственной структуры по сотрудничеству польской и российской молодежи по примеру контактов, налаженных между польской и немецкой или французской и немецкой молодежью (...) Международный статус Польши укрепляется, что естественным образом повышает нашу заинтересованность контактами с вашей страной (...) Необходимо объединять европейскую цивилизацию, к которой я отношу континентальную Европу, Россию и Соединённые Штаты ”. («Пшеглэнд», 10 мая)

• „Лех Валенса, Тадеуш Мазовецкий, Вислава Шимборская, три бывших председателя Конституционного суда — Ежи Стемпень, Марек Сафьян и Анджей Цолль, а также Адам Михник подписали международное обращение с призывом отменить смертные приговоры участникам восстания за независимость в Тибете, вынесенные судами КНР”. («Газета wyborча», 24 апр.)

• Польша решила бойкотировать конференцию ООН по расизму. Причина — заявление президента Ирана, назвавшего Израиль расистским режимом. Польский евродепутат, бывший премьер-министр Ежи Бузек: „МИД принял правильное решение (...) Когда мы защищали права человека в Чечне, то тоже вызвали недовольство России, как теперь мусульманского мира. И всё-таки хорошо, что мы нашли в себе смелость это делать (...) Исторический опыт возлагает на Польшу обязанность занимать такую позицию. Это принципиальные вопросы, за которые мы боремся из поколения в поколение”. («Дзенник», 21 апр.)

• „Несколько тысяч человек собрались вчера в полдень перед памятником Героям гетто, чтобы почтить память участников еврейского восстания, начавшегося 66 лет назад. Делегации канцелярии президента, правительства, властей Варшавы, посольства Израиля и ветеранских организаций под барабанный бой возложили к памятнику венки. Лишь после них к монументу подошел Марек Эдельман, последний оставшийся в живых руководитель восстания в варшавском гетто (...) Восстание вспыхнуло 19 апреля 1943 года (...) В борьбу

включились около 800 повстанцев из Еврейской боевой организации и Еврейского военного союза (...) Бои в гетто продолжались до 16 мая. Их символическим концом стал взрыв Большой синагоги. По немецким данным, погибло около 7 тыс. евреев, а 6 тысяч погибли в пожарах и под развалинами домов. Еще 50 тысяч были вывезены в лагеря смерти". («Газета wyborcza», 20 апр.)

• „Краковский Ягеллонский университет (старейший в Польше) присвоил Мареку Эдельману титул почетного доктора за «защиту непреходящих ценностей — добра, правды и свободы, а также за возвращение веры в способности и силы человека». Университет отдал должное и его научным достижениям в области кардиологии и рака груди". («Газета wyborcza», 30 апр. — 1 мая)

• „Американцы почтили память Ирены Сендлер (...) В воскресенье на канале Си-Би-Эс пройдет премьера американского фильма «Miss Irena's Children» режиссера Кента Харрисона — о польской сотруднице соцобеспечения, спасшей 2,5 тыс. еврейских детей из варшавского гетто". («Жечпосполита», 18-19 апр.)

• „Торжества по случаю 200 летия со дня смерти полковника Берко Йоселевича организовал в Польше посол Франции Франсуа Барри Лоншан (...) Во время восстания Костюшко происходящий из еврейской семьи торговец лошадьми Берко Йоселевич (...) создал еврейский легион (...) Потом он сражался во французской армии под Аустерлицем, а также участвовал в кампании 1807 года. Погиб 8 мая 1809 г. под Коцком в кавалерийской атаке на австрийских гусар. Йоселевич был кавалером польского ордена «Virtuti Militari» и французского ордена Почетного легиона". («Газета wyborcza», 21 апр.)

• „Молодые евреи прошли от ворот бывшего лагеря Аушвиц I до Аушвица II-Биркенау. «Марш живых» в память о миллионах евреев, убитых немецкими нацистами во время II Мировой войны, прошел в 18 й раз. В нем участвовали 7 тыс. молодых людей, в т.ч. 1 тыс. поляков". («Жечпосполита», 22 апр.)

• „«Молодые израильтяне не совсем понимают, почему в Польше они должны находиться под вооруженной охраной. Значит, с ними может что-то случиться? Их инструктируют, что нельзя выходить на улицу в футболках с еврейскими буквами и говорить на своем языке в публичных местах», — говорит Яцек Олейник из Музея истории польских евреев, организатора встреч ровесников из Израиля и Польши". («Газета wyborcza», 16 апр.)

• „Результаты опроса, проведенного Центром исследования Катастрофы Ягеллонского университета (...) Мнение, что евреи якобы имеют слишком большое влияние на то, что происходит в Польше, встречается всё реже. Под ним подписываются 15% 18-летних поляков, а еще десять лет назад речь шла о трети респондентов. Лишь 8% опрошенных согласны с утверждением, что многие польские политики имеют еврейское происхождение (...) 55% молодых, то есть на 33% больше, чем в 1998 г., не считают, что меньшинства могут приносить вред Польше (...) Однако некоторые ответы озадачивают. 15% 18 летних согласны с утверждением, что на современных евреях лежит вина за смерть Христа на кресте. Десять лет назад таких было лишь 8,5%”. («Жечпосполита», 16 апр.)

• „Польские цыгане — одно из самых дискриминируемых в ЕС меньшинств, считает Европейское агентство по защите основополагающих прав (...) 48% польских цыган считают, что в течение последнего года столкнулись с дискриминацией. 70% из них уверены, что расовая дискриминация в Польше повсеместна. 28% утверждают, что стали жертвой нападения или угроз на расовой почве. 53% — что, опасаясь дискриминации, они избегают некоторых мест”. («Газета wyborcza», 23 апр.)

• „10 марта в белостокской торговой галерее «Бяла» трое мужчин среди бела дня напали на шведку кубинского происхождения, студентку местного Медицинского университета. Причиной оказался цвет кожи — более темный, чем у среднего жителя Белостока (...) Это произошло на глазах у всех и перед камерой наблюдения галереи — при полном равнодушии покупателей, продавцов и охраны”. («Газета wyborcza», 18-19 апр.)

• „Белостокский суд арестовал на месяц 17 летнего подростка, которого подозревают в избиении чернокожего гражданина Франции (...) В четверг они с группой приятелей напали на остановке на 34 летнего француза и стали его избивать”. («Жечпосполита», 4 мая)

• Михаэль Шудрих, главный раввин Польши: „Всегда есть какие-то отщепенцы, ненавидящие евреев, негров (...) Общественная проблема — не столько само по себе такое поведение, сколько ситуация, когда зло не уравновешивается добром. Когда один человек говорит что-то недостойное, а другие молчат”. («Газета wyborcza», 9-10 мая)

- „Начиная с 2007 г. Европейский суд по правам человека вынес семь приговоров, в которых констатируется нарушение прав человека в ходе люстрационных процессов”. («Пшеглэнд», 10 мая)

- „Директор варшавского зоопарка Анджей Крушевич защищает слона Нино, которого депутат от Пис Михал Гжесь обвинил в гомосексуализме (...) В пятницу в познанском зоопарке на открытии нового современного слоновника Крушевич публично объявит, что слон Нино — не гей. «Надеюсь, что тогда депутат Пис отстанет от животного», — говорит Крушевич”. («Дзенник», 23 апр.)

- „До 2014 г. во всех странах ЕС на всех продовольственных продуктах вводятся этикетки, информирующие о том, что до привоза на бойню животное содержалось в гуманных условиях (...) На нашем рынке уже имеются яйца, помеченные в соответствии с условиями разведения кур. Покупая, мы можем выбрать яйца кур, разводимых в более гуманных условиях. Яйца №0 — из экологических хозяйств, №1 означает, что куры ходят на открытом пространстве, №2 — что их содержат в закрытом помещении, №3 — что они живут в клетках”. («Впрост», 17 мая)

- „На Хельском полуострове 24-летний житель Ястарни утонул в Балтийском море, пытаясь спасти свою собаку”. («Дзенник», 24 апр.)

- „С 90-х годов популяция стрижей уменьшается, а главная причина этого — ремонтные и термоизоляционные работы (...) В Варшаве организации по охране птиц добились того, что для получения кредита на подобные инвестиции инвестор обязан предоставить экспертизу орнитолога. Однако выполнение его рекомендаций уже никого не интересует (...) В Варшаве истреблены огромные поселения стрижей в спальных микрорайонах в Стегнах, Урсынове, Садыбе, Чернякове, Таргувеке. Сигналы об уничтожении мест их гнездования поступают со всей Польши”. (Иоанна Подгурская, «Политика», 25 апр.)

- „Когда стрижи возвращаются в Польшу, они пытаются попасть в свои старые гнезда — бывает, целыми днями висят, прицепившись к тем местам, где когда-то были их гнезда. Иногда самок с птенцами замуровывают, обрекая на медленную смерть. Ведь стрижи устойчивы к голоду, они могут прожить без еды не несколько дней, как другие птицы, а несколько недель. Анджей Крушевич утверждает, что они умирают до 7 недель”. (Адам Вайрак, «Газета выборча», 12 мая)

• „По всей Польше началось весеннее выжигание травы — один из самых глупых и жестоких польских обычаев. От поджогов, которым нет никого хозяйственного оправдания, на лугах гибнут тысячи животных (...) Известно, что потери огромны. Зайцам, ежам, множеству птиц, ящериц, змей, косуль не удастся спастись при пожаре, температура которого достигает нескольких сотен градусов (...) Лишь в 2008 г. зафиксировано 102 пожара леса, занявшегося от сельскохозяйственных угодий. Сгорело 65 гектаров леса”. (Якуб Хелминский, «Дзенник», 14 апр.)

• „Почти по всей Польше в лесах введен третий уровень пожароопасности. В леса позволено входить исключительно лесникам. За нарушение запрета грозит штраф до 500 злотых. Только за последний месяц в польских лесах вспыхнуло более 600 пожаров”. («Дзенник», 2–3 мая)

• „На территории Мазовии (...) расположено 184 тыс. гектаров государственных лесов (...) В прошлом году в них собрано около 7 тыс. тонн мусора. Его вывоз и утилизация обошлись в 1,2 млн. злотых. В прошлом году только в одной Варшаве на уборку 7 тыс. гектаров леса город потратил 500 тыс. злотых. А в этом году сумма достигнет 800 тысяч. Строительно-ремонтные предприятия вывозят в леса строительный щебень, обломки блоков, банки из-под краски, остатки арматуры. Обычные граждане, не желая платить за вывоз мусора, выбрасывают в лес целые багажники пакетов с мусором (...) Каждый хозяин квартиры или дома обязан подписать договор с мусороуборочным предприятием (...) Таких договоров не имеют около 20% владельцев варшавской недвижимости, то есть более 19 тыс. домов и квартир (...) Они не подписывают договоров, вывозят мусор в лес, и их за это не преследуют и не наказывают”. (Доминика Ольшевская, «Газета выборча», 8 мая)

• „Квадроциклы заплонили Польшу (...) Они стали общедоступными. Сегодня их модно дарить на первое причастие (...) Сигналы о причиненных ими разрушениях приходят со всей Польши (...) Прокат «Mr. Quad», нимало не смущаясь, рекламирует свои машины как «потрясающий способ проникновения в недоступные уголки дикой природы» (...) В келецких лесах только за одни выходные были убиты три лося (...) Лесничий Роман Врублевский: «Их в наших лесах жило, ну, может, с десятков. Три — это огромная потеря. Квадроциклисты — это сумасшедшие». (...) Особенный вред они причиняют ландшафтному парку на Вислинской косе. Дюнная растительность — вещь очень нежная (...) Настроение лесников

можно описать как смесь ярости и беспомощности (...) Машины постоянно разъезжают по вислинским заливным лугам. Уничтожают противопожарные валы, въезжают на песчаные отмели, где гнездятся многие виды охраняемых птиц. Это территории, охваченные общеевропейской программой «Натура-2000», а также заповедники». (Юлиуш Цвельох, Иоанна Подгурская, «Политика», 16 мая)

• Лешек Бздыль, режиссер, актер, хореограф, танцор, основатель одного из театров: „Природа меня не интересует. Я мог бы на нее не выезжать (...) Я родился в центре Вроцлава. Детство провел во дворе, где росло одно дерево; вокруг брусчатка, кирпичные дома. Город — вот моя естественная среда”. («Газета выборча», 25-26 апр.)

ДАТЬ РОССИИ ШАНС

Я недавно разговаривал с двумя русскими — оба они решительно в оппозиции к властям в Кремле, но, несмотря на это, очень по-разному смотрят на сегодняшнюю Россию. Первый — это известный правозащитник Лев Пономарев, избитый на прошлой неделе в Москве. Его можно встретить на любом антипутинском митинге. Он протестовал против войны в Чечне, против репрессий в отношении нефтяного короля Михаила Ходорковского, требовал отыскать убийц журналистки Анны Политковской. В прошлом году осмелился протестовать против российской агрессии в Грузии, постоянно протестует против вытеснения оппозиции из политики, затыкания рта прессе и запретов на уличные демонстрации демократов.

В последнее время Пономарев ведет кампанию под лозунгом «Нет концентрационным лагерям в Европе!» — за улучшение ситуации в российских тюрьмах и исправительных колониях. Фотографии, свидетельствующие о страшном положении в российских тюрьмах, говорят сами за себя. Но это одна сторона медали. Потому что при этом Пономарев говорит о России то, что необычайно интересно и неоднозначно: «В России уже нет тоталитаризма, а лишь авторитаризм, да и то довольно мягкий».

Разные России

Всё зависит от региона, конкретного губернатора, начальника тюрьмы, начальника милиции. Есть гуманные, старающиеся что-то исправить, а есть такие, кто ведет себя хуже, чем во времена Брежнева.

Пономарев признаёт, что нет общей закономерности, что не везде плохо. Есть регионы, в которых удастся разговаривать с властью.

Вот такая Россия.словно одна и та же, но разная. В конце концов, это самая большая страна в мире. Смотреть на нее сквозь призму почти что западной Москвы и Петербурга — это ошибка. А с другой стороны, Россия — это не только ущемление прав человека в Чечне и телевидение, целиком подчиненное Кремлю.

Соратница Пономарева Татьяна Рудакова рассказывает, что власти в некоторых регионах даже благосклонно смотрят на деятельность правозащитников. Часто они не могут официально помочь, чтобы не конфликтовать с местным начальством милиции, прокуратуры или ФСБ, но хотя бы не мешают. То есть в российском монолите путинизма есть дыры, и довольно большие. Проблема в том, что иногда их трудно заметить, а чаще мы, пожалуй, просто не хотим их видеть. «Правозащитники в определенном смысле стали частью этой системы. Власть начала нас терпеть, принимать наше существование, но это не значит, что она нас слушает или тем более считается с тем, что мы говорим», — говорит Пономарев.

Ничего здесь не меняется?

Мой второй собеседник — это Виктор Суворов, живущий ныне в Великобритании, автор популярных исторических книг, когда-то резидент советской военной разведки ГРУ в Женеве, который в 70-е годы перешел на сторону Запада. Он утверждает, что Медведев ничего не может сделать, потому что сознательно согласился с ролью марионетки в окружении Путина. «По правде говоря, за это я еще меньше уважаю Медведева, чем Путина, — говорит Суворов. — Путин сформирован КГБ и не может быть другим. А Медведев — интеллигентный, образованный, видел мир, но при этом осознанно принял роль куклы».

Вместе с тем Суворов считает, что агрессивная, националистическая риторика Кремля и части российской элиты — это блеф. На самом деле их интересуют деньги, вывоз капитала на Запад, размещение нажитого в безопасном месте, вне досягаемости российской казны или ФСБ, обучение детей в престижных западных школах — словом, обустройство собственной жизни. «Я не верю в угрозу новой гонки вооружений, потому что деньги, идущие в России на вооружение, где-то исчезают, — говорит Суворов. — Наши олигархи покупают зарубежные футбольные клубы, яхты, виллы, но не построили ни одного моста, больницы или кусочка дороги в России. Наша элита действует не как патриоты, а как колонизаторы. С такой ментальностью нельзя вести гонку вооружений».

С одной стороны, это правда. Самый крупный филантроп из российских олигархов, Михаил Ходорковский, уже шесть лет сидит в тюрьме. Он поддерживал не то, что власти считали приоритетным. А с другой стороны, русская угроза реальна, ведь прошлогодняя война с Грузией не была фиктивной. В ней не применялось, возможно, суперсовременное оружие, это не

был шедевр военного искусства, но при всем при том Россия первый раз после распада СССР решила использовать армию за пределами своих границ. Поэтому Суворов считает, что попытки диалога Запада с Россией — это как разговор мышки с кошкой: рано или поздно кошка набросится и сожрет мышь, ибо такова кошачья природа.

Не так страшна Россия

Вопрос, чью точку зрения принять. Пономарева, видящего ситуацию во всей сложности, или Суворова, ставящего однозначный, простой диагноз. Польскому мироощущению ближе взгляд Суворова. Может, мы уже и не боимся России как агрессора, который непосредственно на нашу страну нападет, но опасаемся ее — и по историческому опыту имеем к тому основания. Война в Грузии, интернет-атака на Эстонию, когда там демонтировали памятник советскому солдату в Таллинне, или недавняя газовая война с Украиной показывают, что поводы для опасений существуют, а наши фобии — это не навязчивая идея.

Есть ли по ту сторону нечто, что успокоит наши страхи, продемонстрировав, что сегодняшняя Россия качественно другая, чем во времена Брежнева, Андропова или даже раннего Горбачева? Есть ли нечто, что можно признать очевидным успехом российских перемен после 1991 года?

По-моему, это «нечто» — российский стиль жизни. Русские могут сегодня (т.е. приблизительно со времени краха СССР), в первый, пожалуй, раз в истории, сами формировать свою частную жизнь. Государство перестало навязывать, каким ты должен быть, какие иметь взгляды, какие ценности исповедовать. Конечно, если ты хочешь сделать карьеру государственного чиновника, здесь все далеко не так. Но даже если ты государственный служащий, то в частной жизни полностью свободен. Нам это может показаться смешным, потому что даже в условиях ПНР можно было позволить себе определенную свободу духа, внутреннюю эмиграцию, частичную интеллектуальную или моральную свободу. В советской России не то чтобы это было совершенно невозможно, но несказанно труднее, чем в коммунистической Польше.

Высокий рейтинг команды Путина и Медведева вовсе не обеспечен тем, что русские органически не способны к демократии, как утверждает часть польских и не только польских исследователей с Ричардом Пайпсом во главе. В самой России, самым русскими, последние десятилетия видятся как

период относительной стабильности, процветания, сопряженный с чувством безопасности, возрождением национальной гордости, уязвленной распадом СССР. Одновременно сохраняется невероятно широкое — во всяком случае, с точки зрения среднего гражданина — поле свободы, какой не знали, как минимум, несколько поколений. Для русских то, что произошло после 1991 г., — это действительно революционное изменение, и этого не затмевает регресс прав и свобод в период правления Путина. Важно, что можно иметь заграничный паспорт, дающий возможность ездить по всему миру, если только есть деньги, что можно безнаказанно обогащаться и открыто тратиться, вполне легально повышать свой материальный уровень. Что места, в которых можно предаваться блаженству потребительства и западного образа жизни, находятся уже не только за западной границей и на страницах запретных журналов, а рядом.

Когда в 2003 г. я стал корреспондентом «Газеты выборчей» в России, то, хотя часто раньше бывал в этой стране, все же очень опасался, что должен буду поменять стиль жизни, что буду делать покупки не в гипермаркетах, а на сермяжных базарах и в грязных магазинах, где сначала платишь в кассу, а потом получаешь покупки у прилавка (как это было в СССР), что буду отрезан от развлечений вроде кегельбана, похода в ресторан или просмотра более или менее нового западного фильма. Я боялся, что поездка в Россию, пускай сама по себе чрезвычайно интересная, лишит меня возможности проводить время так, как я привык в Польше в 90-е годы. Ничего подобного. В том и состоит русская революция последних двадцати лет, что из «инога мира», которым с любой точки зрения СССР был еще в 80-е годы минувшего века, русские попали в водоворот глобальной и рыночной массовой культуры. Ее можно назвать дешевкой, возмущаться ее уравнилельной мелкотравчатостью, но в ней есть место и элитарности, индивидуализму, поиску самовыражения, что русские неустанно пробуют делать. Этот процесс затронул уже не только Москву и Петербург, но и периферию — прежде всего, понятно, богатые регионы. 35 самых крупных российских городов, насчитывающих свыше миллиона жителей, более напоминают Запад, чем прежний советский Восток. Русская политика и ментальность заметно отстают от изменившегося стиля жизни, но все же есть надежда, что это когда-нибудь изменится. И это не только мое личное суждение. «России нужно время. Это бредни, что мы не способны к демократии. Просто это продлится дольше. Может, 15, 20, а может, и 25 лет», — объяснял мне когда-то Григорий Явлинский, бывший лидер либеральной партии «Яблоко».

Бывший советник премьера России, известный экономист Михаил Делягин восхищался в конце 90-х китайской моделью развития. Он убеждал, что это намного лучше для России, чем либеральный капитализм. Так, впрочем, считала значительная часть российской элиты, восхищенная тем, что можно осуществлять хозяйственную трансформацию, не утрачивая власть и не меняя политических правил игры. Делягин отправился по гранту в Китай. По возвращении я спросил его, восхищается ли он по-прежнему китайской моделью. «У нас это не пройдет», — услышал я в ответ. — «Почему?» — «Наше общество не такое, как китайское», — ответил Делягин.

Можно считать, что по сравнению с нами и с западным миром русские иначе ведут себя по отношению к государству, они более покорны, менее смелы. Но им далеко и до обществ, готовых принять «казарменный капитализм», как китайцы или корейцы. И мы должны это учесть. Есть шанс, что западный образ жизни быстрее изменит сознание и потребности русских, чем китайцев.

А заявления, что только мировой хозяйственный кризис изменит Россию, — это, как минимум, наивность. Конечно, кризис заставит смягчить риторику, но этого мало для реальных перемен, необходимо переосмысление целей. А оно произойдет только тогда, когда российская элита захочет решительно сделать ставку на Запад, потому что сочтет это выгодным. Давайте, умудренные ошибками 90-х годов, создадим такую ситуацию.

Открытая России — это не утопия

Поэтому меня и удивляет, что, когда новый президент США протягивает руку России и его в этом поддерживают французы, немцы и итальянцы, в Польше оживают страхи, что Запад в очередной раз нас предаст, что-то решит за нашей спиной, поступитя нашими интересами. Сегодня Запад — это и мы. Быть может, рождается шанс помочь России сделать выбор, на который она не может решиться со времен распада СССР. С точки зрения образа жизни она уже стала Западом. Скептики скажут, что им стали и мегаполисы в Китае, но это не влияет на демократизацию Срединного царства. Русских, однако, намного меньше, и Россия в большей мере укоренена в европейской культуре, чем Китай, что парадоксальным образом легко наблюдать, двигаясь к востоку от Москвы. Возможно, под воздействием жестов Обамы российские элиты после 20 лет реформ задумаются, выгодно ли им углубить изменения последних лет или остаться при видимости демократии и руководимом государством свободном рынке — в надежде, что

через какое-то время снова вырастут цены на сырье. Правда, по прогнозам экспертов, действительно вырастут, поэтому времени у нас не так много. Нефтяное Эльдorado снова позволит Москве ни с кем не считаться.

Россия, тесно сотрудничающая с США и Западом, не сможет оставаться такой, как сегодня, не сможет оставаться только видимостью демократии, не сможет вести себя так, как в прошлом году в Грузии или недавно на Украине. Россия, более тесно связанная с Западом, автоматически станет более дружественной к Польше и другим своим соседям. А если предложение Обамы будет отвергнуто или Россия не захочет вести честную игру, то Запад, в том числе и Польша, скорректирует свою политику. Мяч сегодня на половине русских. В наших долгосрочных интересах начать эту игру, а не высказывать опасения, когда игра еще не началась.

МОЯ ЛИЧНАЯ ПОЛЬША

— Многие ли сегодня в Германии читают польскую литературу?

— Мои переводы с польского на сегодняшний день разошлись в двух миллионах экземпляров. Для страны с 80 миллионным населением это не так много, но и не так уж мало. Немецкие поэты читают и цитируют польских авторов весьма часто и с большим уважением.

А польская поэзия в книжных магазинах Германии соседствует на полке с произведениями самых знаменитых немецких авторов.

— В польской гимназии в Лодзи вас всё же больше, чем Гёте, формировал Мицкевич.

— С немецкой литературой мне пришлось ближе знакомиться после войны. В гимназии у нас был немецкий язык, на немецком я разговаривал дома, с матерью, но мне казалось, что в то время я лучше владел польским. До сих пор не могу поверить, что, сдавая экзамен на аттестат зрелости, я писал о «Германе и Доротее» Гёте, да ещё по-немецки, — об этом можно узнать из моего аттестата зрелости, факсимиле которого я получил в 80-е годы из Лодзинского городского архива.

Сегодня я могу сказать, что вся моя жизнь складывается из литературных тем, которые я проходил ещё в школе.

— В 1939 г. вы попали на трудовой фронт, затем в армию, а потом оказались в советском плену. Там вы и начали интересоваться русской литературой?

— Когда я был «пациентом» лагерного лазарета, русская женщина-врач принесла мне почитать сборник стихов Лермонтова. Мне пришлось учить кириллицу, по ночам, буква за буквой. Я научился читать стихи, потом — их понимать, а потом я с ними подружился. В конце концов я начал их переводить: Лермонтова, Пушкина, Есенина.

— В 1949 г. вы вернулись в Германию. Что тогда происходило с польской литературой в Германии?

— Начало было трудным. У немцев было полно собственных проблем, а тут ещё примешивалось неприязненное отношение

ко всему, что исходило с Востока. Такая позиция была в порядке вещей. Такое же отношение было и к нам, переселенцам, даже к членам собственных семей. Я переводил в свободное время, по необходимости малые формы — стихи, афоризмы. Прозы я избегал, она требовала больше времени.

— *Как вам удавалось получать польскую литературу после войны?*

— Вначале я искал своих ровесников — Бачинского, Гайцы, Ружевица. Книги мне присылали знакомые из Лондона или Парижа. На основании этого случайного выбора я сформировал собственную историю польской литературы.

Подобно Мицкевичу и Милошу я руководствовался тем, что если кому-то есть что сказать, он не должен концентрироваться на форме. Я не обращал внимания на то, к какой школе относится автор, является ли он представителем первого или второго авангарда, — меня интересовало, представляет ли стихотворение нравственную ценность и историческую правду.

Эпиграфом к своей автобиографии я взял строки об истине («А солнце Истины горит для всех равно /Различия племен не ведает оно». Пер. О.Румера). Это отрывок из стихотворения, которое студент Мицкевич написал своему учителю истории Иоахиму Лелевелю, по происхождению немцу.

Критика в Польше функционирует иначе, чем в Германии. В Польше самым важным считается поэт, особенно если он уже завоевал признание читателей. Для меня же важнее всего само произведение, его тема, послание, конструкция. Я нахожу стихотворение и вижу, что вряд ли его можно считать первоклассным, но в нем есть некие образы или обороты, которые по-немецки звучат чудесно, поэтому я его перевожу. В Польше такой мой подход часто критикуют. И, наверное, это понятно: великие поэты не любят, чтобы вокруг них крутились поэты калибром поменьше. В немецкой литературе бывает так, что посредственный поэт напишет одно хорошее стихотворение, но оно оказывается столь значительным, что потом из школьной программы попробуй его убери.

Я издал, например, малую антологию лодзинских поэтов. В Польше их мало кто знает. А я нахожу у них великолепные строки.

— *А первые контакты с польской эмиграцией?*

— С Вежинским в Лондоне, с Милошем в Америке, с Бженковским в Париже — от них я получал «Культуру», «Вядомости» и другие издания — для меня они были важным источником информации. Много польских писателей, к счастью для меня, находилось в эмиграции, почти вся группа «Скамандр» была в Нью-Йорке и Лондоне.

Я познакомился с Тадеушем Новаковским из Лондона, позднее работавшим на радио «Свободная Европа» в Мюнхене. Уже тогда во мне прорастало это новое понятие: Европа. На открытии института в Дармштадте я сказал, что не государства для меня интересны, а народы: их прошлое, будущее и *conditio humana*.

— *Название своей первой антологии — «Урок тишины» — вы почерпнули из поэзии Тимотеуша Карповича, из его стихотворения о той минуте, когда трепет крыльев мотылька кажется слишком громким.*

— Название подчеркивает атмосферу послевоенной новой польской лирики и обращено к ее педагогическому значению. Урок — то, что учит чему-то, и тишина — необходимое после бури погружение в созерцание. Урок и тишина дают возможность для самоосознания и самопознания. Для поэзии Запада в послевоенные годы эта свежая струя воздуха с Востока была необходима.

— *Вы переводите произведения почти двухсот поэтов. Немцам вы открыли Милоша и Шимборскую, Вы дружите с Ружевичем, у вас даже был один и тот же учитель в гимназии. В чем секрет его столь выдающейся карьеры в Германии?*

— Он смог растрогать немцев. Крупнейшие поэты и прозаики буквально носили его на руках: Грасс, Энценсбергер. После 1945 г. всех нас охватило ощущение, что хватит с нас патриотического пафоса и лжи, выраженных в длинных и запутанных фразах. Ружевич всё поставил на ноги «провинциализма» простоты. Он положил начало современной лирике. Содержание, образ, никаких эпитетов, никаких орнаментальных излишеств, никакой музыки — искренность и истина должны были говорить прямо. Причем так, чтобы эти стройные, прямые высказывания — несмотря на лапидарность — были поэзией.

Немцы тогда начали слушать бывшего «врага». Заметили его стремление к примирению, к пониманию. Потом они начали читать и лирику военного времени, например Бачинского, научились воспринимать ее сердцем. Поначалу они опасались

такого чтения, не читали произведений ни польских, ни русских авторов. Теперь же русские авторы пользуются в Германии большим спросом и польские тоже.

— *А Херберт?*

— Он совершенно другой. Это гуманист, который на основе прочитанных книг, путешествий и полученного образования переживал и описывал свое собственное повторение пройденного по истории Европы. Ружевич — поэт, пишущий о дне сегодняшнем, но прежде всего с перспективы военного лихолетья. Он открыл язык новый, язык одержимости, язык нравственности, а Херберт заново открывал для польского читателя понимание европейской культуры. Очищал то, что было оболгано, оказалось завалено руинами военных или идеологических катастроф.

— *Наряду с Милошем и Хербертом, наряду с высоким стилем, в польской поэзии XX века, есть и другая традиция: Бялошевский, Вирнша, потом Задура, Соммер, «Брульон» и многие из тех, кто пишет скорее в разговорном стиле.*

— Я переводил их всех. Проблема в том, что поэт, который находит у меня хотя бы одно из своих стихотворений, автоматически желает, чтобы их было больше. Но одному переводчику не справиться с подобной задачей. В Польше слишком много поэтов способных, даже гениальных или многообещающих. Я надеюсь, что они найдут переводчиков среди своих ровесников.

— *Применительно к польской литературе часто появляется понятие провинциальности. Что это, собственно, означает?*

— Я искал польскую действительность в Кракове и Лодзи, в Силезии, на Мазурах и на Подолье, потому что самых крупных поэтов давала всё же провинция. Баден-Вюртемберг дал Шиллера, Гессен — Гёте, который еще в Веймаре говорил на диалекте, это видно по «Фаусту». Я бы культивировал именно такое значение провинции.

Теперь господствует мода, а не группы, программы, четкое мировоззрение. мода быстро проходит. Так называемая трудная литература, содержательная, требующая подготовки, то есть труда, остается. Понятно, что без необходимого комментария иностранец не сможет понять «Дзядов» или «Свадьбу». Но и нам без знания истории не понять исторические хроники Шекспира или трагедии Шиллера. А что касается «Будденброков» Томаса Манна, то это гениальный

пример рассказа о «провинциальном» городе и обывателях Любека на рубеже XIX–XX веков.

Если исходить из контекста всей Европы в целом, то Польша — провинция, в этом смысле провинция и Германия, которая, впрочем, была когда-то мозаикой разных государств. Европейский патриотизм в будущем станет совершенно иным, нам надо лишь проявлять больше солидарности.

Полякам не следует стараться писать так, как пишут другие, как модно ныне писать на Западе или на Востоке. Польская действительность всегда была иной, поэтому для чужого читателя это всегда известие из «иног мира».

— В своих воспоминаниях вы цитируете «Дневники» Роберта Музиля, его слова о постоянстве и отваге в бою.

— Музиль спровоцировал меня на рассказ о том, что я пережил, но я отвечаю ему скорее негативно. Он находил удовольствие в воинственности, я же сторонюсь воен.

— Вы пишете, что государственность, Европа, Германия или Польша — это для вас, жившего в Лодзи, городе многих культур, было второстепенным. Своего рода «наивность», которая не позволила вам заметить перемены, ведущие к войне. Томас Манн писал о такой «наивности», что она много раз его спасала.

— Мои школьные друзья, которых не интересовали музыка, искусство, поэзия, зато интересовали история и точные науки, которые не ошибались при перечислении дат, властителей и их достижений, прекрасно ориентировались в политике — они вместо стихов читали газеты. Я газет почти не читал, зато стихи — с энтузиазмом. Я пытался даже их переводить, играл на скрипке — этими занятиями тогдашний объем моих серых клеточек был заполнен полностью. Война всё это в некотором смысле изменила.

Вы говорите о наивности у Томаса Манна, а я, немец, сошлюсь на польскую писательницу. «Размышления аполитичного человека» Манн писал во время I Мировой войны, издал их в 1918 г., в возрасте 43 лет, когда он уже был нобелевским лауреатом, но по-прежнему, как он сам о себе говорил, оставался «аполитичным» и «наивным». В 1939 г. мне было 18 лет, и единственным моим стремлением было получить аттестат зрелости и пойти учиться в вуз — ничего особенного. Много позже я нашел утешение у Марии Кунцевич, которая в возрасте 48 лет написала воспоминания.

Я обратил на нее внимание случайно. Ее мать была скрипачкой, а это как раз та мелочь, которая меня немедленно электризует. «Ключи» Марии Кунцевич — это исповедь о незнании истории. Родившись в Самаре при царском режиме, она получала образование в Польше, Нанси, Париже. До войны много путешествовала и была свидетелем многих громких политических афер, написала цикл репортажей о Палестине. Она была членом ПЕН-клуба, переводчиком отдела прессы МИДа, присутствовала на мирной конференции в Париже. Несмотря на это, она не сумела правильно оценить ситуацию в Европе. Сама она сравнивает себя с Алисой в Стране Чудес. В этой наивности людей зрелых, образованных и причастных к политике, я нахожу утешение и оправдание своей незрелости периода «бури и натиска».

— *Вы не пытались с ней познакомиться?*

— Я хотел с ней познакомиться. Я завидовал ей, этим ее, как сказал бы Гете, «годам странствий». Когда я добрался до Чикаго, где она вела занятия по польской литературе, ее там уже не было. Я обменялся с ней лишь одним письмом. Зато перевел «Ключи».

Беседу вела Агата Пызик

ЕВРОПЕЕЦ ИЗ ЛОДЗИ

Крупнейший немецкий пропагандист современной польской литературы, директор Института польской культуры в Дармштадте, издатель 50 томной «Polnische Bibliothek», автор «панорамы польской литературы XX века». Замечательный переводчик.

В своих воспоминаниях Карл Дедециус рассказывает о своем пути к этим успехам. Это история немца, родившегося в Лодзи, который дома говорил по-немецки, но во дворе с друзьями — обычно по-польски, история немца, окончившего польскую гимназию, отправленного во время войны на Восточный фронт, солдата Вермахта, который несколько лет находился в советском плену, а после освобождения в 1949 г. отыскал родственников в Веймаре и спустя три года через Западный Берлин бежал на Запад.

Дедециус, который на протяжении многих лет не был сотрудником никакого научно-исследовательского института, не нашёл своего пристанища ни в одном из университетов, в какой-то момент так прямо и пишет: «Я не полонист и не ученый, а просто дилетант». Действительно, Карл Дедециус — переводчик-любитель, четверть века он зарабатывал на жизнь, служа страховым агентом в фирме «Альянс», а свободное время посвящал литературным переводам. Возможно, это не самый важный сюжет его воспоминаний, хотя и весьма впечатляющий: парень из военного поколения сначала преодолевал тяготы повседневности, потом — не имея поначалу ни заработка, ни имени, ни позиции и вопреки здравому смыслу — упрямо занимался делом не только не нужным, но еще и вызывавшим подозрение.

«Урок тишины», первая составленная Дедециусом антология, вышла в 1959 году. Он долго убеждал издателя, так как современная поэзия из страны за железным занавесом, подготовленная малоизвестным переводчиком, — вовсе не рецепт к достижению большого успеха. «Я опирался на скудные сведения, почерпнутые из немногочисленных журналов и нескольких сборников поэзии, — вспоминает Дедециус. — Добыть их мне стоило немалого труда. Железный занавес, антипатия по отношению к немцам, отсутствие ответа на мои просьбы, недоверчивость в связи с проявляемым мною любопытством, подозрительность со стороны немецких и

польских официальных лиц». Власти ПНР подозревали Дедециуса даже в сотрудничестве с ЦРУ.

«Европеец из Лодзи» — это рассказ о жизни, которую в какой-то момент пришлось начинать заново. Первая часть кажется лаконичной, даже легковесной, но есть в ней и нечто более весомое — это не только воспоминания об интересной жизни и необыкновенных встречах, это свидетельство страшного, отмеченного войной опыта. Вторая часть, в которой много анекдотических сюжетов, состоит из очерков, в канву которых автор включил фрагменты переписки или стихи; очерки посвящены писателям, которых переводил Дедециус, — среди них, в частности, Лец, Пшибось, Херберт, проф. Казимеж Выка; есть также очерк о тех, кто составлял круг людей, связанных с «Тыгодником повсехным».

«Все, что я пережил, в том числе и то, что мне бы хотелось сохранить в памяти, постепенно улетучивается, вытесняется из моей памяти днем сегодняшним и будущим», — пишет Дедециус. Ибо есть опыт пограничный, который с трудом можно передать словами, который невозможно описать пером, даже столь тренированным как у Дедециуса. Вот мы читаем о Лодзи, в которой сосуществовали мир еврейский, польский и немецкий, об аттестате зрелости, полученном в мае 1939 г., о трудовом отряде, о бегстве в Ломжу и Львов, наконец, о душевной растерянности фольксдойча, которому гораздо ближе были польские друзья, нежели новые порядки, установленные немцами из Рейха. А потом описание окружения в Сталинграде и нескольких лет пребывания в советских лагерях в Закавказье: «В лагере вспыхнула дизентерия. От нее умерли, наверное, тысячи людей. (...) Снег становился все краснее. Сильные, прежде «хорошо питавшиеся» люди, будучи тут вечно голодными, умирали быстрее. Дольше жили слабые, у которых не было аппетита и не было даже сил, чтобы принести себе воды из реки».

«Европеец из Лодзи» — это история, символичная для всего поколения немцев, входивших во взрослую жизнь в конце 1930 х, но вместе с тем это история о том предназначении, которое выпадает человеку и которое он выполняет, несмотря ни на что. В 1985 году Тадеуш Ружевич писал Дедециусу во Франкфурт-на-Майне: «Тебе лишь кажется, что ты живешь в большом современном городе, на самом же деле ты живешь в пустыне Халкис — в монастыре отшельников — замурованный среди тысяч книг».

*

Karl Dedecius. Europejczyk z Łodzi. Przel. Sława Lisiecka. Kraków:
Wydawnictwo Literackie, 2009.

Ярослав Маркевич

СТИХОТВОРЕНИЯ

Кто купит

Правда затеряна в хитросплетениях языка,
только ты можешь её отыскать, и только так ты спасёшь
свою бедную голову и скрытую в её глубине
пещеру сознания.

Быть может, только эта пещера и существует,
тогда тем более стоит её изучить и почувствовать,
ведь там изначально живут божества и идеи,
когда мы вселились, они уже там обитали, —
так говорит Платон — а я ему верю, ибо он сказал:
поэт способен чего-то достичь не прежде,
чем избавится от чувств и отрешится от разума.

Отрешится от разума — но как от него отрешиться?

Продать? Разум в цене, когда он желанен, —
а кто купит старый, уже нежеланный разум?

После того как очистишься от разума,
на экране сознания должен остаться даймонион —
внутренний голос, который вёл Сократа,
но ведь Платон никогда не слышал даймониона,
он поставил на дороге ложные указатели
— и все наивно пошли за ним в чисто поле,
послушавшись того, кто слышал, будто Платон слышал,
якобы Сократ слышал голос даймониона.

Стахура santo subito

У него в голове было больше света, чем снаружи,
и потому он всё время ходил, ездил, пробовал разобраться,
далеко ли
мир простирается за предел его головы и куда уезжают
все эти люди, толкущиеся на вокзалах,
а однажды решил проверить, герметичны ли
границы плоти — сосуда, вне которого
простирается мир, и не сошёл с путей до последнего мгновенья,
он без конца прокручивал в голове слова, больше всего
его привлекали палиндромы, а роза упала на лапу азора,
ароз аупа ланала пуазора, прочти задом наперёд,
зеркало, не требующее зеркал, всезеркало.
Поговорить мы любили, хуже было с умением жить,
он знал один только способ — пригреть,
словно его сильное, обременительное для него самого суперэго
предпочитало иметь двух-трёх гавриков под контролем,
ведь он всё же был не уверен, не до конца, в себе,
взять кого-то в аренду для него стало способом выжить.
И вот наконец он сам решил сдать себя в аренду,
тогда и нашёлся неизвестный арендатор,
который возделывал его сознание три года,
а потом ушёл
и забрал его с собой.

Вавилонская башня

Позади только пейзажи, реки, озёра, горы,
всё это видно сквозь пулевое отверстие в затылке,

оружие было нечищеным и пробило изрядную брешь,
империя сознания обрела ещё один берег,
немедленно, словно ждали за горизонтом, — швартуются
корабли,
привозят новые сказки, рассказы в товарах, сигары,
заботливо скрученные на бёдрах девушками юга,
ткацкие челноки тоже причаливают, семиглавые дни на
колёсах тачанок
выезжают на берег и, не оглядываясь, уносятся в лес,
Чапаев ждёт,
отваливают добротные плоты с новейшими моделями
вавилонской башни
в масштабе 1:1, на горизонте смятение, ибо горизонт
не приемлет некоторых моделей, вид униженной башни,
она сама тонет в тёмной воде, её не принимает пространство
света,
сразу скажу — это я, привязанный к высоте,
там, на краю земли, и я не уверен,
что исчезну за горизонтом.

Во всё горло

Концерт яростной музыки, гневный бунт
из-за того, что всё так, как есть, солист орёт во всё горло,
а ведь эту музыку её давние первооткрыватели
использовали для того, чтобы приземлить Бога,
Бог, абстрактное и возвышенное существо,
может ощупать землю только человеческими стопами,
привыкшими нюхать прах.
А тут, на сцене, затянутой дымом, как через пять секунд

после конца света, когда на картине Мемлинга
уже брезжит воскресение из мертвых, на фоне корчащихся
людей

невозмутимо сидит жёлтая фигура Будды,
Будде в пальцы, сложенные в мудру удивления,
вставлен на высоте пупка семилистник марихуаны,
а марихуана зеленеет при одной только мысли о ней.

* * *

День обещал быть прекрасным,
обещал, обещал,
пока не начал заикаться,
чтоб разогнаться
и перемахнуть через то,
что невозможно себе представить,
что невозможно сказать
ни с ветром, ни против ветра,
и на крыльях ветряка
ничего не написано,
так о чём же речь?
а солнце всходит и заходит,
всходит и заходит,
всходит и заходит,
как бешеное.

Бытийство

Вода на улицах, как сон, текущий из ушей,
ботинки из автопокрышек,
автомобили из жалоб на пешее хождение,

женщины из вторсырья, после коррекции,
свежеокрашенные, —
а говорят, вначале был свет, только свет,
и неизвестно, кто бросил тень.

Итак, сон сутки напролёт, сон для миллионов: убийства,
копуляция, деньги — и таинственные знаки на небе,
о, края, скрытые за лонным бугорком,
туда и обратно, оттуда и до хвоста.

Сон миллионов заслоняет бытие лишь на миг, но этого хватит,
чтоб зерно было брошено и упало во тьму.

Бытие до того продвинуто в бытии, что становится
бытийством

и рождает Бога — могущественную абстракцию.

Похоже, что Бог любит тех,
кто видит Его сон, а кто засыпает в иных снах,
тот ускользает от власти Его —

и происходит иной посев — бытие вновь становится
бытийством,

но почва разума, истощённая первым посевом,
всё никак не может родить Иного Бога и не знает Его лица,
ибо бытие не знает ничего, пока не осуществится.

Ещё в словаре Линде бытийство означает
естество, природную форму, die Gestalt.

Линде иллюстрирует это фрагментом стихотворения Войцеха
Хростицкого:

«Там Аретей устремился под море,
к Аретузе влекомый в бытийстве своём».

* * *

Бумажный барабан
заговорил на крыше,
и всё стало ясно как день —
словно в день того дня,
когда дни ещё не жили
у меня в мозгу
и были свободны.

Перевод Андрея Базилевского

ПРИКЛЮЧЕНИЕ СОЗНАНИЯ

Ярослав Маркевич — поэт, родившийся в 1942 году. Его причисляют к авторам «новой волны». Дебютировал он в 1965 г. книгой стихов «Солнечный стадион». Следующая книга — «Я пришел спросить о собственном имени времени вносимого мной» (1968) уже содержит все наиболее характерные черты его лирики. Сюрреалистическое видение открывает перед нами мир, у которого нет границ. Начинается великое приключение сознания, познающего себя и действительность. Воображение создает поток образов, ассоциаций, видений. Возникает вопрос: что здесь внутреннее, а что внешнее, что субъект, а что — зеркало, отражающее того, кто смотрит?

Главное, и в этом поэт убежден с момента дебюта, — противостоять причинно-следственной логике, устанавливающей законы реальности. Воспротивиться ей — значит обрести свободу и уверенность в том, что, только задавшись вопросом о своем сознании, исследуя собственный разум, можно понять, что есть мир и наше бытие во времени. Поэт пытается уловить и то, что происходит в нас, и то, что являет собой внешнюю проекцию нашей фантазии, стремлений и страхов. Эта креационистская поэзия основана на предпосылке, что мы сами порожаем мир:

в каждом из нас вселенная

открывает и закрывает своё око.

Герой этой лирики замечает: всюду таится смерть, распадом охвачено всё, что он видит, и высказанное слово, и само бытие во плоти — ибо плоть есть самоуничтожающаяся материя.

В книге 1971 года «Поддерживая радостную видимость продолжения марша» Ярослав Маркевич писал:

Я продукт чего-то извне

растёт область неведомого

которое меня определяет.

Неведомое — это смерть. В лирике Маркевича появляется человек-«мертвяк», он заселяет пространство, обреченное на

гибель. Это место, где всем вменены в обязанность одна идея, один, общий тип видения и реакций.

*Те, кого мы не успели съесть,
поедают нас. Мы уже знаем вкус своих языков,
вкус общего пота, вкус красок, которыми до сих пор
писали только прекрасные картины.*

Это мир, отданный во власть отчаянию, здесь можно верить лишь в то, что «кто-то рождается, а потом его надо похоронить». Первая задача, которую ставит перед собой герой этой поэзии, — уговорить себя быть свободным. Начиная с книги «В телах женщин всходит солнце» и вплоть до книги «И» в поэзии Маркевича происходит сотворение нового мира.

Истинное бытие разворачивается вне культуры и вне разума, который задает ложные вопросы. Разум хочет всё сохранить в единой форме — в форме одной истины, ему нужно назвать чувство, чтобы его понять. Называя — он фальсифицирует чувства, бежит «от слова к вещи, от вещи к причине». Необходимо успокоить разум, остановить его работу, дабы могло оказаться, что «стена смерти — это иллюзия».

Всё сущее, говорит поэт — а ему близко мышление последователей дзэн-буддизма — есть тоска, печаль, несвобода и всяческая неполнота — всё есть «болезнь разума». Всё, что существует, для созидającego разума — проблема.

Изначально, чуть ли не с самого дебюта, в эту поэзию вписано ощущение пространства. Происходит неустанное раскрытие вещей и расслоение пространства — биологического, психического, нарастание дистанции между пейзажами. Любую форму можно раскрыть, самая плотная материя наполнена «красным ветром, веющим в камне». Такому видению служит симультанизм, параллелизм образов и времен, создание меж образов, меж времен. «Между» становится связкой, пространством, где конец смыкается с началом. В этом пространстве есть «вид на себя из глубины себя», здесь можно быть одновременно объектом и субъектом, тем, кто действует, и тем, что подвержено действию. Человек — носитель вселенной — замечает работу своего разума. Трансцендентность — в нем самом, его тело, прежде ничемный клочок материи, подвластный смерти, теперь вписано во «вседерево», мир стал единством. Герой этой лирики

В зеленом ковре опознал своё тело

Вселенную опознал как своё тело

белый свет дня

и черный свет разума

Материализуется всякое психическое состояние, и поэтому невозможен вопрос: что есть настоящая реальность. Что существует на самом деле? Лестничная клетка и комната или стена, выросшая вдруг посреди дома и выбрасывающая героя вовне? Границы нет. Нет деления на мир объективный и субъективный. Есть единое, тождественное бытие сознания.

Древняя книга «Зогар» учит: «Весь дольний мир сотворен по образу мира горнего. Всё, что существует в горнем мире, является нам как бы в отражении, при этом оба мира есть одно и то же». Эту истину выражает поэзия Ярослава Маркевича. Разум успокоен, а воображение все так же переполнено видениями, тревожно, сюрреалистично, оно осваивает новые территории.

Эта поэзия выражает убеждение, что «единственная поистине неведомая вещь — мы сами». Она прошла долгий путь от лирики, подчиненной навязчивой идее смерти, распада и страдания, чтобы найти мир целостный, не подлежащий никаким ограничениям.

Фрагменты этого мира можно произвольно соединять и рассеивать. Остается открытым вопрос о границах познания, и в то же время вопрос этот отрицает оппозицию между мыслимой и немыслимой реальностью.

Когда-то молодой поэт в соответствии с поэтикой «новой волны», выразившей бунт поколения 68-го года, писал:

Не соглашайся на себя

в согласии сам с собой

ты согласишься на всё.

Через много лет он приходит к согласию с миром, вот только мир этот сперва должен был подвергнуться перелицовке и раскрыть другую сторону своей сути.

ХРИСТОС И БЕЛЫЕ МЕДВЕДИ

Вот уже несколько дней кружили непроверенные слухи, что из лагерей будут освобождать неизлечимых больных — тех, кто в условиях заключения не сможет выздороветь, инвалидов и т.п. У такого освобождения было свое название: «активировка», что означало списать человека на свалку. Старые лагерники утверждали, что однажды уже такое было. Говорили, что первыми освободят «доходяг».

Христос не спал всю ночь... Сам видел. Я всегда просыпался несколько раз за ночь. И не я один. Почти у всех было воспаление мочевого пузыря. Приходилось часто выбегать из барака.

Христос не спал всю ночь... Утром, однако, он не выглядел усталым. Всегда разговорчивый, на этот раз не проронил ни слова. Но на рассвете все бывали молчаливы. Никто не высыпался. Но все же мне странно показалось... Кто-то задал ему вопрос. А Христос посмотрел словно сквозь него. Ничего не ответил.

Было еще холоднее, чем вчера. Градусов двадцать... По реке уже плыли небольшие льдины. Зима обещала быть ранней и суровой... Конец октября или уже ноябрь...

После вчерашнего случая через всю реку протянули стальной трос. Лодки переплывали на другой берег, как на привязи. Похоже было, что переправа закончится не скоро. Плыла еще только первая партия заключенных. Более двух сотен ждали своей очереди.

Все случилось в мгновение ока. Крик... Тонет!!! Несколько запоздалых испуганных восклицаний... Ах и ох!.. И бултых...

Лишь тогда я понял, что кто-то в одном белье в несколько прыжков достиг берега и сиганул в воду. Все глаза были устремлены на реку. Берег крутой. Сразу глубоко...

Морель дернул меня за бушлат.

— Это Христос!

— Чего стоите?! Чего ждете?! — кричит наш конвоир. — Бросьте ему веревку! Жердь давайте!.. Не стойте! Вашу мать! Шевелись!..

Ведь утонет!..

Люди бросаются к берегу... Веревки, жерди, багры... Но он сам выныривает... Пара гребков кролем... И несколько десятков рук вытаскивают его на берег. Несколько бушлатов разом накрывают промокшего насквозь, синего. Выворачивается, вырывается. Рубашка — в клочья. Мышцы напряглись. Дергаются. Страхивает людей как щепки:

— Мой брат тонет, — слышу я его голос. — Еще можно спасти! Пустите, идиоты!!!

— Раззявы! Вашу мать!.. Сброд! Подлецы! Держите его! — орет конвоир. — Держите его, паскуды!

Его держали двадцать человек. Связали руки и ноги. Привязали к дереву, потому что он по-прежнему порывался прыгнуть в воду «спасать брата». Успокоился только через час, когда я растолковал ему, что брата уже не спасти, что в действительности у него с самого начала не было никаких шансов. Потом я пожалел, что сказал так. Это известие и мои доводы добили его окончательно. Несколько часов он лежал на земле, распростершись крестом. Там, где его положили. У костра, где промерзшая сверху земля таяла, превращаясь в грязь. Лежал лицом в грязи.

Каждая лагерная шишка считала своим долгом подойти и высказать свои замечания суждения по поводу лежащего. Подошел и начальник конвоя с собакой. Следом за ним — прораб с главным агрономом.

— Ну и что? — обратился к нам начальник конвоя. — Успокоился? — И покрутил пальцем у виска.

— Знаем мы таких, — сказал прораб. — Прикидывается и больше ничего. Лишь бы не работать. Это опытный симулянт.

— Прикидывается? — удивился начальник конвоя. — Если бы я просто не знамо как хотел симулировать, все равно бы сегодня в воду не прыгнул. А этот еще и нырял до дна... Вы его знаете? — обратился он к нам. — Сколько ему осталось срока? За что сидит?

— У него 16-80. А тянуть немного осталось. Года два.

— Ну, что я говорил! — воскликнул начальник конвоя с торжеством. — Если б ему десять сидеть, то еще стоило бы изображать сумасшедшего. А за два года, даже с гаком, только сумасшедший прыгнет в льдины.

Но прораб был редкий сукин сын.

— Стоило, не стоило, — сказал он. — Если вы действительно хотите убедиться, то выстрелите ему из нагана над ухом. Сразу увидим, какой он сумасшедший.

Начальник конвоя пожал плечами.

— Скажете тоже. Из нагана стрелять.

— Ну так спустите на него собаку. Увидим, что он запоеет, когда пес схватит за задницу.

— Постыдились бы, — сказал начальник охраны. — С какой стати я должен травить его собакой... Однако, — добавил он после паузы, словно борясь с собственным любопытством, — пусть собака подойдет и его обнюхает. Она ничего ему не сделает. А испугаться он и так не испугается.

Собака спокойно обнюхала распростертого крестом Христа, который даже не дрогнул. Черный нос овчарки приближался к человеческой голове, втягивая запах... А потом собака попятилась. словно испугалась чего-то. Но сразу застыла на месте, успокоилась.

Я не заметил, когда Христос пошевелился. Теперь овчарка сидела напротив него. Он протянул руку и погладил зверя по голове. Собака припала к земле, тихая и покорная.

Когда я наконец посмотрел на начальника конвоя и прораба, победного торжества на их лицах не было. Они еще немного постояли и ушли. Овчарка побрела за ними.

Христос поднялся, подбросил дров в костер. Теперь он казался более нормальным, словно пришел в себя. Я решился подойти к нему и спросить, как он себя чувствует.

— Прекрасно... Слушай, — сказал он тихо и отчетливо. — Слушай, что я тебе скажу. Когда пойдем обратно на зону, вы должны вести меня силой, лучше на веревке, как собаку... Как только придем, сразу отведите меня в медпункт и расскажите, что со мной сегодня было. Делайте вид, что вы перепуганы. Лучше никому не говори. Думаю, ты всё теперь понял. Может, потом еще подвернется случай поговорить...

Вечерело, пора было возвращаться. Начальник конвоя отдал приказ. Мы трое должны были, под особой охраной, отвести Христа на зону.

Он не сопротивлялся. Дал перевязать себя толстой веревкой как поясом. Мы боялись, что он будет от нас убегать, а это могло плохо закончиться... Но не успели мы тронуться в путь, как он попросил на секунду задержаться... Поднял с земли здоровенное березовое бревно... Не бревно... Крест. Взгромоздил на плечо и пошел за нами следом на поводке.

Конвоир то смеялся, то принимался издеваться над Христом, — зачем он несет такую тяжесть. И правда. Даже для двоих она была чрезмерна... А он делал это как будто без всякого усилия. Шел, выпрямившись.

Первый скандал разразился в коридоре медпункта. Христос не хотел расстаться со своим крестом. Бороться с ним было бесполезно. Старик, который регистрировал больных, и санитарка подняли крик прежде, чем мы успели объяснить, в чем дело. Нам велели очистить помещение. Мы ответили, пусть сами попробуют... словом, они только тогда успокоились, когда попытались это сделать. Им не удалось сдвинуть с места ни Христа, ни крест.

Еще хуже было то, что Христос не хотел входить без своего креста в кабинет врача. Когда подошла наша очередь, мы вошли туда одни. Решили всё узнать без него.

Наты Андреевны не было на месте. Оказалось, что вчера в лагере появился еще один врач, немолодой армянин с добрыми миндалевидными глазами и пятнадцатилетним сроком. Армянин хотел осмотреть Христа... Мы сказали ему о кресте. Тогда доктор сам вышел в коридор. Попросил Христа не беспокоиться за свой крест, никто его не сможет даже пошевелить, — лишь бы заманить его в кабинет. Но Христос не понимал или не слышал. Я объяснил ему по-польски. Он дал себя уговорить. Мы остались в коридоре.

Через несколько минут открылась дверь. Армянин попросил меня быть посредником в разговоре. Только я собрался войти, как в этот момент показался Христос. Взял свой крест и покинул медпункт.

Врач сказал, что даст ему освобождение на три дня — это единственное, что он пока может сделать. Включая сегодняшний день. А дальше... А дальше неизвестно, что и как будет. Попросил, чтобы мы за ним приглядывали.

Христос уже сидел в бараке на нарах. В углу стоял его крест. Мне казалось, что Христос собирается спать. Но нет. Сначала он снял с себя все ватное тряпье. Потом — лохмотья, оставшиеся от

рубашки, и повязал их как передник. Голову обмотал сеткой от комаров и заткнул за нее большую деревянную ложку. Так, как в шляпу втыкают перо. На голые плечи накинул одеяло. Сел на нары по-турецки, руки скрестил на груди и замер неподвижно.

Нам хотелось есть... Несколько раз мы порывались пойти в пищеблок, но, взглянув на него, не могли решиться. Наконец он встал. Держа двумя руками большую эмалированную миску, величественным шагом удалился из барака.

Мы двинулись за ним... Так и есть, он отправился в больничку. Туда, где выдавали обед освобожденным от работы. Значит, всё в порядке. Самое большее — он мог немного замерзнуть в своем странном облачении... Мы пошли в столовую.

Из столовой можно было заглянуть внутрь кухни, которая располагалась в центре помещения. Кухню от столовой отделяли стеклянные окна. Жратву выдавали в трех окошках. Около каждого — свой котел.

Подошла моя очередь... Вдруг ужасный крик! Кухарка, собиравшаяся выдать мне обед, выронила из рук половник. Сорвалась с места, пробежала несколько шагов и встала как вкопанная.

— О, Господи! — она подавила в себе крик и заслонила лицо руками.

Я пододвинул ближайшую скамейку и вскочил на нее, чтобы увидеть, что там случилось, на противоположной стороне. В окошке напротив меня был виден Христос. На вытянутых руках он держал свою миску. На голой груди у него был большой кровавый крест, из него текла и текла кровь. Христос стоял молча и неподвижно. Я тоже застыл.

Старший повар, почтенный седобородый Аким Аверьянович, вбежавший на кухню на зов поварих, остановился в изумлении. Но самообладания не потерял.

— Не видишь, человек есть хочет, — сказал он поварихе, которая, остолбенев, уставилась на окровавленного человека. — Чего ждешь? Накорми его!

Кухарка была полькой по происхождению. Звали ее Станислава. По-польски она почти не говорила. Но знала, что Христос — поляк и что мы с ним держимся вместе. Подозвала меня. Я подошел. Незаметным движением сунула мне что-то в окошко.

— Поделись с ним, — шепнула она.

Два порядочных куска мяса... Его месяцами, а то и годами не видели в лагере. А каши, наверное, с шесть обычных порций.

Христос сидел на своем месте. Как тогда. Я невольно перевел взгляд на его голую грудь. Крест больше не кровоточил.

В бараке было темно. Полумрак. Некоторые эки уже засыпали. Другие грелись у печки, освещавшей их красноватым светом. Никто не смотрел ни на меня, ни на Христа. Но я все равно не решился отдать ему мясо, пока все не уснули.

— Станислава просила тебе передать... Я говорил с поварами. Они про тебя спрашивали, — шепнул я тихо.

— Тебе интересно про крест? — ответил он, словно угадав мои мысли. — Могу рассказать... Я вошел в третий барак, тот, самый большой... Чтобы как можно больше народу меня видело... Пробежал по проходу и прыгнул в окно. Как тогда в воду... Потом стеклом... Ведь окно-то я разбил... Порезал себя этим стеклом.

— Ты и вправду рехнулся?

— Мне было бы спокойнее, гораздо спокойнее, если бы и ты в это поверил. Когда наконец согласишься, не забудь мне сказать. Это будет настоящая победа.

— Тебе плохо?

— Приятного мало... Но чтобы плохо — нет, не очень.

— Я имел в виду стекло и крест.

— И я. Мучаешься только от необходимости постоянно концентрироваться. Я сам себя убеждаю, что должен так сделать. Изо всех сил себя убеждаю, что хочу этого. Теперь я вынужден хотеть. Мне нельзя отступить. *Alea jacta est*^[1].

Ночью я проснулся. Христа не было... Я выскочил из барака раздетый. Чтобы не терять времени. Но попятился. Ноябрь ударил сорокаградусным морозом. Я вернулся за бушлатом и выбежал. Христос прохаживался величественным шагом. В одном белье... Даже не в белье. Голый по пояс. В одеяле, брошенном на плечи.

— Ты, брат, так замерзнешь или заработаешь себе воспаление легких! Ну кто тебя сейчас видит.

— Ошибаешься, — возразил он. — Да и не в этом дело.

* * *

После «развода» — отправления бригад на работу — обязательно устраивали перекличку лагерников, которые по тем или иным причинам оставались в зоне. Одновременно нарядчик и коменданты шныряли по всем баракам в поисках «отказников». Тех, кто должен был работать, но уклонился.

Загонщики вошли за начальником караула в барак. Христос сидел неподвижно на нарах. Ведя счет, начальник караула оказался возле него и лишился дара речи. Сбился. Золотников, который считал вместе с ним, тут же его поправил.

— Это что еще за чучело? — начальник был поражен.

— Симулирует сумасшествие, — ответил Золотников тоном, не допускавшим сомнений.

— А, это тот, что в воду сиганул... Говорите, прикидывается?

Золотников обратился к нарядчику:

— У него есть освобождение от работы?

Нарядчик заглянул в свой список. Проверил несколько раз.

— Нет. Нету. Было до вчерашнего дня.

— Его нужно немедленно посадить в карцер. Как только закончим проверку. Это наглый симулянт. — Золотников с ненавистью смотрел на Христа.

— У него нет больничного, — вмешался я, — потому что он вообще не ходит к врачу. Я хотел его заставить, просил, уговаривал... Всё напрасно. До него ничего не доходит.

— Но ложку держать он умеет, — оборвал меня Золотников. — И знает, что говно не едят... Отличает... Вообще, не ваше дело, и не вмешивайтесь. Справимся без вас.

Когда ударил гонг, что означало конец переклички, Христос вскочил и вышел вон. Прямоком в столовую...

Золотников привел нарядчика и двух комендантов бараков — Мишку и Яшку.

— Где этот симулянт? — обратился он ко мне.

— Какой симулянт? — уточнил я, словно и вправду не знал, кого он имеет в виду.

— Не догадываетесь, о ком речь? — издевательски спросил Золотников. — Симулянт. Этот ваш польско-жидовский вонючий Христос!.. Теперь дошло?

— Не знаю такого, — сказал я спокойно. — Но я хотел бы вас, пан товарищ, предостеречь, чтобы вы таких сочетаний не употребляли. Ваш срок, пан товарищ, заканчивается, если не ошибаюсь, через несколько месяцев.

— Угрожаете? Мне угрожаете?.. Ха-ха-ха!.. Может, жалобу напишете? Пишите. А я вас сотру в порошок. Понятно?

Загонщики вышли из барака. Я выбежал следом. Знал, что они будут искать Христа, пока не найдут. И они искали его целый час. Шарили по всем баракам и укромным местам. Никого... Мне уже самому стало интересно. Я ломал голову, куда он мог подеваться...

И увидел его первым... В столовой в такое время обычно получала завтрак бригада, обслуживающая администрацию лагеря. Эти выходили на работу позже остальных. Их называли «начальством». Они тоже были зэками. Но — не чета остальным. Им давали лучшую жратву. Котел ИТР. Никому и в голову не могло прийти, что Христос отправится в столовую вместе с ними.

После меня его заметил Мишка-чечен. Заржал и принялся потешаться над своими, которые продолжали поиски. Христос неторопливо возвращался в барак. В одну секунду все четверо окружили его, нарядчик схватил за одеяло. Но Христос даже головы не повернул. Одеяло осталось в руках преследователя. Христос продолжал медленно шествовать дальше.

— Эй, ты, Иисус Христос, — крикнул Яшка, преградив ему дорогу. И в тот же самый момент споткнулся и растянулся перед Христом во весь рост. Прямо под ноги нарядчику, который из-за него тоже упал...

Христос осторожно обошел лежащих.

Загонщики были в бешенстве. Один Мишка веселился. Но мгновенно посерьезнел, как только увидел, что вокруг собираются зрители. Они бросились на Христа вчетвером... Ведь дело пахло подрывом авторитета. «Власти» не могли справиться с нагим человеком, который не оказывал им никакого сопротивления.

Не могли справиться...

Сам не знаю, как это произошло. Я глазом не успел моргнуть, как все четверо лежали на земле. Поднимались с вытаращенными от удивления глазами под крики и смех собравшихся. Христос ступал не спеша, как будто ничего не случилось. Они бросились за ним. Золотников схватил его за ногу и дернул. Христос ловко приземлился на снег, как кот... Я и правда не знаю, как это произошло... Золотникова отбросило назад. Он согнулся в три погибели. Застонал, прижимая локти к животу.

Но Христос не успел подняться... Не знаю, может, если бы он поторопился... На него навалились трое. Яшка схватил за левую руку, нарядчик и Мишка за ноги. Волокли его по снегу на голой спине. Христос совершенно не сопротивлялся.

— Живее! — крикнул Золотников, который уже успел встать и прийти в себя. — Чтобы кожу с задницы содрать!

Толпа бросилась в их сторону. Многие, наверное, из любопытства... Другие... Аким Аверьянович преградил загонщикам дорогу. Неизвестно откуда взявшийся кусок льда угодил Мишке в спину. Другой — разбился о Золотникова. Мучители остановились, но не отпустили Христа.

— Вы что вытворяете?! — сказал сурово и серьезно Аким Аверьянович. — Вы с ума сошли? Голого человека по снегу?...

— Вы что делаете, гады ебанутые?! — напирал на загонщиков Ленька Кривой, размахивая у них перед носом дрыном. — Вы что с человеком делаете, крысы в жопу ёбаные? Сукой буду, хуй мне в глотку, если вас всех сегодня не повывозит отсюда вперед ногами Васька Рогов!

Золотников бочком выскользнул из кольца зевак и с криком понесся в сторону караулки. Потом раздался выстрел из нагана. Начальник караула, размахивая оружием, мчался в сторону столпившихся.

— Разойтись! — орал Золотников, бежавший рядом с конвоиром, вооруженным винтовкой.

— Разойтись! — как эхо ответил «голубятник» с ближайшей вышки. Окрик и предупредительный выстрел.

Люди бросились врассыпную. Но совсем не ушли... Остались только загонщики, Аким Аверьянович, Ленька Кривой и Христос на снегу.

— Что здесь происходит? Кто его избил? — спросил начальник караула, показывая на Христа и пряча наган в кобуру.

— Это они, гады, — показал Ленька на загонщиков.

— Обожди, — отодвинул Леньку Аким Аверьянович. — Гражданин начальник караула, пусть вас не удивляет, что люди не позволили волочить голого человека по снегу. Голого и не в своем уме. На что это похоже! Не допустите такого!

— Мы его волокли, потому что он не хотел идти в карцер, — сказал Золотников. — Никакой он не псих. Он симулянт и лентяй, который не хочет работать.

В этот момент Христос встал. Ленька набросил ему на плечи одеяло. Христос медленно побрел в сторону женского барака.

— Куда?! — гаркнул вслед нарядчик.

Еще два неспешных шага... И вдруг он помчался как стрела. И скок головой вперед... — звон разбитого окна, треск рам. В бабьем бараке визг и топот ног. Через секунду в дверях показывается Христос... Даже не поранился... В правой руке держит большой осколок стекла. Как меч. Идет в сторону загонщиков. Шагает торжественно и смотрит прямо перед собой, словно никого не замечая. Загонщики на всякий случай уступают ему дорогу. Сам начальник караула в последнюю секунду отскакивает в сторону. Но именно в этот момент Христос останавливается, беспомощно опускает на землю свой прозрачный меч и ставит на него ногу. Стекло с хрустом ломается.

— *Pax vobiscum*^[2]. — Христос возносит руки и поворачивается кругом. — *Pax vobiscum, pax vobiscum*, — повторяет он троекратно. — Прости им, ибо не ведают, что творят.

Аким Аверьянович шепнул мне:

— Иди к Нате Андреевне. Ничего не говори о нем. Скажи лишь, что Аким Аверьянович просит ее сейчас же прийти. Скажи, очень важное дело.

Мне с трудом удалось уговорить санитарку, чтобы вызвала Нату. Но не успела она сделать два шага, как Ната была уже в дверях. Я передал ей просьбу Акима Аверьяновича.

— Он там? — спросила Ната.

— Аким Аверьянович на кухне.

— Нет... Этот мой Христос несчастный.

— Его отвели в столовую. Наверное, он еще там.

Примерно через десять минут Ната с Акимом Аверьяновичем вошли в столовую. Я подождал минут пятнадцать. Неудобно было подслушивать или заглядывать в окно. И я уже не рассчитывал... Меня, однако, позвали. Оказалось, что я нужен как переводчик. Христос говорил только по-польски, по-латыни, черт знает на каком еще... Во всяком случае не по-русски. Не реагировал на слова, произнесенные на этом языке.

Персонал кухни подсматривал и подслушивал, облепив окошки изнутри. Все были скорее в приятном возбуждении. Такое зрелище! Одна Ната была раздражена. Не любила чувствовать себя беспомощной.

— Сию секунду прекратите прикидываться сумасшедшим. Иначе это для вас плохо кончится, — сурово сказала она Христосу.

Но тот посмотрел на нее, словно на неземное создание, и простер над ней руки. Будто благословляя ее. И лишь после паузы сказал:

— *Filia mea! In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti ego te absolvo*^[3].

Я отнесся к роли переводчика самым серьезным образом. Перевел, заметив, что это сказано по-латыни.

— Да, да, — воскликнула из окошка Станислава. — Я еще помню. Так говорит ксендз, когда отпускает грехи.

Никто не смеялся. Сцена была настолько нелепа, что при других обстоятельствах я бы покатылся со смеху. Я и в самом деле не понимаю, почему не мог даже улыбнуться. Только у Наты это получилось.

— Теперь, — сказала она, — я безгрешна. Могу не волноваться, пока не примусь за старое.

— Улыбка, дочь моя, на добрых твоих устах позволяет мне думать, что ты свою ошибку осознала. Ты хотела меня лечить, ты заблуждалась. Но поняла, что у тебя самой душа больна. Ты выздоровеешь — говорю тебе. Да хранит тебя Бог, дочь моя, ибо прощены будут, которые блуждают в поисках добра.

Теперь он говорил по-польски... Я перевел слово в слово. Ната пожала плечами.

— Категорически вам заявляю. Прекратите. Я не дам вам никакого освобождения. И сама распоряжусь, чтобы вас посадили в карцер. Я уже иду. Можете делать всё, что вам заблагорассудится.

Она в самом деле вышла. Я испугался, что она говорит серьезно. Но она меня подозвала и попросила проводить его, если получится, в медпункт. Сказала, что нельзя больше ломать здесь такую комедию, как только что.

Я отвел Христоса в медпункт. Мне удалось уговорить его сесть на стул. Сам я встал рядом. Ната и армянин тихо совещались между собой. Время от времени исподтишка поглядывая на Христоса. Ната была решительнее... Я видел, что армянин колеблется... Подошла к больному. Смело заглянула в глаза, заслоняя рукой то один, то другой. Приподняла веко.

Христос осторожно взял ее за руки.

— Я всё же не лошадь. Хотя в этой белой стране люди ценятся дешевле лошадей. Продадут ли меня как коня на ярмарке или же как раба на невольничьем рынке, но не пристало тебе, не имеющей ничего общего с кровожадными зверями, белыми медведями, лакающими кровь невинных...

Может, он хотел еще что-то сказать... Я боялся что-то упустить и начал быстро переводить. Теперь я в самом деле опасался, что ему изменило чувство меры... Это не ускользнуло от Наты, и она возмущенно посмотрела на меня. Я сразу опомнился.

Христос плакал. Слезы медленно текли у него по лицу.

— Боже, пронеси чашу сию мимо меня, перенеси меня в иное измерение. Чтобы я стал плоским, как Евклидово пространство, чтобы я тонким стал, как единственное измерение, чтобы я расширился, как твоя измученная Вселенная, и раздулся до бесконечности измерений твоих. А потом дай мне силу, которая быстрее скорости луча света твоего, которая пронзает и проникает сквозь измерения. Дай мне уйти.

Он говорил почти шепотом. Медленно. Без пафоса. Я безотчетно слово за словом повторял. Я не мог иначе.

Курганской

1. Жребий брошен (лат.). — Здесь и далее прим. пер.
2. Мир вам (лат.) .
3. Дочь моя! Отпускаю тебе грехи во имя Отца и Сына и Святого Духа (лат.).

ДВАДЦАТИЛЕТИЕ: ПОЭЗИЯ МАСТЕРОВ

Что важного произошло в польской литературе за последние 20 лет, минувших от обретения страной независимости? И прежде всего: что предложили за это время поэты, которых не без основания называют старыми мастерами?

Одно из важнейших явлений последнего десятилетия — активность авторов старших поколений, прежде всего Чеслава Милоша, Тадеуша Ружевица, Виславы Шимборской, Ежи Фицовского, Збигнева Херберта, Юлии Хартвиг, а также Анджея Мандальяна, Казимежа Хофмана, Людмилы Марьянской. Большие мастера не только подтвердили свой высокий художественный уровень, но сверх того открыли в лирике новые пространства мысли. Это созвездие поэтов несомненно решающим образом, хотя каждый по-своему, повлияло на динамику поэтического дискурса. В его состав — за исключением Милоша — входят поэты военного поколения, и если можно указать мотивы или проблемы, объединяющие их в особую группу, то следует подчеркнуть, что именно в их произведениях мы имеем дело с профильтрованным через индивидуальный тип эмоций соборный голос, где слово поэта сохраняет не только величие, подвергаемое ныне испытанию постмодернистской отчужденностью, но и способность открываться в диалоге.

Об этом величии напомнил в рассматриваемый период их младший современник Адам Загаевский в эссе о достоинствах высокого стиля. Что это означает? Это означает в первую очередь заботу о непрерывности традиций, во времена «реального социализма» постоянно оказывавшуюся в опасности, но в то же время и сознание неустанного нажима, которому — сегодня хотя бы через господство массовой культуры и давление рынка — подвергается искусство, не поддающееся «чудищу непосредственной пользы», о котором еще до войны писал Виткаций. Одновременно это и напоминание о строгости художественной формы, о ясности и читаемости поэтического дискурса.

Однако этот вопрос не так-то прост. Милош, многие годы во всё новых сборниках демонстрировавший возможности «формы более вместительной», обращал внимание на обманчивость

поэтического дискурса. Так, в тексте «Псалмы» он подчеркивал: «Псалмы Давидовы, которые я перевел на польский, одним помогают в молитве, других отталкивают, потому что они почти корыстны. (...) Нужна немалая потребность смирения перед Всемогушим, чтобы простить псалмам их детские хитрости». Как будто дополнительным комментарием к этим словам стало стихотворение «Читая „Записную книжку” Анны Каменской»:

Читая осознал как она была богата а я беден.

Богата любовью и болью, плачем и снами, и молитвой.

(...)

Не была выдающимся поэтом. Но это справедливо.

Добрый человек не обучится хитростям искусства.

(Здесь и далее стихи в пер. Н.Горбаневской)

Безжалостность этих суждений строится на крайней искренности — как это имеет место и в «Честном описании самого себя над стаканчиком виски в аэропорту, предположим в Миннеаполисе», где в длинных стихотворных строчках речь идет о «компоновке сцен сей земли по приказу эротического воображения»:

Не моя вина, что мы так вылеплены, наполовину из бескорыстного созерцания и наполовину из аппетита.

Если после смерти я попаду на Небеса, там должно быть как здесь, и всего лишь избавлюсь от тупых чувств и отяжелелых костей.

Эта искренность составляет сумму опыта как экзистенциального, так и метафизического — демонстративная в своей откровенности, она, как на исповеди, становится шансом спастись перед лицом суда, от которого нет апелляции. Это нечто, что больше правды, как исповедание веры больше познания.

В свою очередь Ружевиц из сборника в сборник — начиная с «Барельефа» с парадоксальным признанием: «жизнь без бога возможна / жизнь без бога невозможна», — создает контрапунктную по отношению к «высокому стилю» линию, а в то же время подводит своеобразный итог опыту и, продолжая противопоставлять «человеческий язык» традиционному, еще тональному «языку Муз», доводит концовку до задачи, которую он себе некогда поставил в ироническом комментарии

к тезису Адорно и которая состоит в том, чтобы «писать стихи после Освенцима». И тут оказывается, что «латинский якорь», о пользе которого писал в 1945 г. Ежи Загурский, по-прежнему остается пригодным. Фрагмент поэмы Ружевича «recycling» начинается цитатой из «Метаморфоз» Овидия (кстати говоря, «recycling» — это как бы сегодняшняя формулировка «метаморфозы»): «Aurea prima sata est aetas (...)» Потом, как известно, этот золотой век, который был первым, прошел разнообразные преобразования. И вот: «минует век XX / приходит конец / христианскому миру».

Этому концу сопутствуют различные знамения на небе и на земле: что-то творится странное, тревожное, может быть, даже апокалиптическое. Если присмотреться к этим наблюдениям в контексте всей поэзии Ружевича, окажется, что христианство подвергается здесь тому же самому преобразованию, что и всякая действительность, погруженная в постмодернистское пространство. Как выглядит этот конец «всего», можно исключительно четко увидеть, следя за «метаморфозами» золота: «на слитках золота / в сейфах Риксбанка / центрального банка Швеции / золото начало плакать / кровавыми слезами». Потом лавина нарастает: «Nazi-Gold / auch in Portugal». И вот оказывается, что современная культура подсовывает выход из этой морально подозрительной ситуации: это выход, обращающийся к праву подвергнуть сомнению «большие повествования», которые до сих пор сопутствовали нашей культуре, вместе с правом усомниться в том или ином основополагающем опыте современности: «а может / Холокоста не было / всё чаще читаешь об этом / в постнацистских немецких газетах / в газетах американских». Итак, развивается *das lange Gedicht* вплоть до иронической и вместе с тем драматической концовки: «P.S. / какое длинное стихотворение / так оно / тянется тянется не скучно ли «мастеру» / не возможно ли это вместить / в японское хайку? Невозможно».

Можно подвергнуть сомнению «большие повествования», говорит поэт, но тем самым придется отвергнуть возможность оценки наших поступков. Если же остается желание сохранить способность различать добро и зло, то надо уметь принять рассказ о человеческой судьбе и ее метаморфозах. Иначе будет вновь и вновь повторяться — как в стихотворении «Я видел Его» — жест Пилата. И, быть может, одно из важнейших поэтических событий в этом контексте — ответ Милоша на рассуждения Ружевича о том, что зло берется «из человека / всегда из человека / и только из человека». В стихотворении

«Unde malum» Милош договаривает: «действительно пан Тадеуш / зло (и добро) берется из человека».

Свою высокую форму подтвердила и Шимборская. Мы знаем хотя бы из ее нобелевской лекции, что Шимборская избегает определения поэзии. Однако если она берется сделать такую попытку, то делает это коварно, как в начале последнего стихотворения в сборнике, который так и называется «Собственно любые стихи»:

Собственно любые стихи

могли бы называться «Мгновение».

Стихотворение завершается двоеточием. Но действительно ли двоеточие его завершает? Не так ли обстоит дело, что прямо после двоеточия «всё» и начинается — на чистом белом листе. В Книге Шимборской, как во всякой Книге, такой лист появиться обязан. А из стихотворения Ярослава Марека Рымкевича «Лист» мы знаем: «Кто его прочесть сумеет / В изумленье обомлеет». Знание об этом, разумеется, вписано в поэзию Шимборской, где не случайно одно из «самых странных слов» — слово «Ничто», о котором она пишет: «Выговаривая слово Ничто, / я создаю нечто, неместимое ни в какое небытие». То же самое происходит, когда в конце стихотворения появляется двоеточие — таким образом открывается целый космос возможностей, одна из которых — молчание.

Силой этой поэзии всегда была ее сосредоточенность на деталях. Двоеточие — такая деталь, и такая же деталь — «точки копытца» из «Радости писать»: «Над белым листом затаились к прыжку / буквы, которые могут сложиться плохо, / предложения-загонщики, / от которых не будет спасения». Каждый знак существует по отдельности, однако каждый, как в этом стихотворении, становится звеном «цепочки знаков», связывающей время. И можно написать трактат о времени в этой лирике, о его поэтической философии. В «Греческом приданом» говорится, что мраморные скульптуры «погибают (...) бело / и не всегда до конца». Уцелевший торс продолжает приковывать внимание, «ослепляет и живет». Неустанно трудятся Парки, в особенности разрезающая нити жизни Атропос. Тем не менее поэтесса (лирическое я?) способна остановить их труд, поспешно заканчивая «интервью с Атропос». В последних сборниках юмор Шимборской — это зачастую шутки со смертью (не над смертью). Это своеобразная и требующая углубленного анализа переоценка барочных традиций, одной из господствующих точек отсчета

современной лирики. Учитывая, что когда-то Милош признал Шимборскую недостающим звеном нашей позитивистской поэзии — хотя не знаю, верно ли: при ее-то преклонении перед Паскалем? — эти барочные концепты заставляют задуматься.

Еще один важный сборник стихов этого времени — прощальная книга ровесника Ружеви́ча Ежи Фицовского «Всё, чего я не знаю». Это обширное избранное снабжено послесловием Петра Соммера, где говорится об одном из отличительных признаков этой лирики — о языковом «перевороте иерархии»: „Оказывается, то, что сразу после войны по-всякому было важно для Тадеуша Ружеви́ча и Чеслава Милоша как «спасение», у Фицовского — выговоренное тридцать лет спустя с позиции полной зрелости медитирующего «я» — возвращается и оказывается важным как «не спасение»”. Верное замечание, тем более что оно опирается на строки, открывающие цикл стихов, посвященных Катастрофе, — «Прочтение праха»: «я не сумел спасти / ни одной жизни / не умел задержать / ни одну пулю // и вот кружу по кладбищам / которых нету / ищу слов / которых нету / бегу // на помощь незваную / на запоздалое спасание // хочу поспеть / хоть бы задним числом». Поспеть на запоздалое спасание нет способа, тем не менее бежать надо, потому что бежать спасать надо всегда, даже и «задним числом», ибо попросту — так нужно. Этот лингвистический парадокс — а «лингвизм» лирики Фицовского заслуживает особого внимания: это «лингвизм» тонкий, более скромный, чем в поэзии его ровесников Бялошевского или Карповича, — обладает глубоким этическим аспектом. Этическим аспектом обладает и сама концепция поэзии, изложенная в заглавном стихотворении сборника:

листание домыслов

пагинация чудес

в обложке оставшейся

от вырванной книги.

Здесь открывается простор для домыслов истолкования — внимание устремляется как к чудесной первой детской книжке, так и к утраченной Книге: в обоих случаях мы перенесены «в такие стороны света / где если что и творится / творится навсегда», «в цвета такие просторные / что радуги трещат». В поэзии Фицовского предстает абрис негативной философии — кстати, это связывает его поиски с лирикой как Ружеви́ча, так и Шимборской, — где заглавное «незнание»

становится содержанием поэтического опыта. Поэзия становится ответом на отсутствие — отсутствие Книги, отсутствие добра, отсутствие любви, но при этом изъяснение этого отсутствия становится его опровержением, правда, неполным, но обещающим полноту, ту полноту, о которой говорится в концовке «Definitum», стихотворения, открывающего книгу: «Сначала умереть надо».

Когда Рышард Пшибыльский много лет назад искал ключа к пониманию поэзии Юлии Хартвиг, он обратил особое внимание на роль ее поэм в прозе как формы, специфически упорядочивающей и «рационализирующей» видение на границе сна и яви, использующей сюрреалистический возврат к истокам поэзии, но отвергающей беспорядок неконтролируемой вспышки образов. Подтверждение тому мы находим в сборнике «Говоря не только себе», в котором собраны так сконструированные произведения. В коротком послесловии Хартвиг пишет: „Поэма в прозе оказалась созданной для меня. Я дебютировала в «Антологии люблинских поэтов» двумя ранними поэмками, еще неясно тогда понимая, чем отличается эта форма и каковы ее тайны”. Одна из тайн этой формы, извлекаемая пером Хартвиг, — созвучие сжатых и развернутых предложений. Если прислушаться к этой музыке, мы найдем в ней ритм стихотворной строки, о котором Милош когда-то писал, что это самое поэтически несущее средство выражения. Его несущую силу можно было бы определить как способность преобразования рассказа в притчу. Прекрасно иллюстрирует возможности такой стихотворной строки размышление из поэмы «Бывают стихи»:

Мы знаем поэтов, которые восхищали речью совсем не одетой и благородной, как бывает иногда нагота, не дающая впечатления наготы.

Да, и такая бывает «поэтичность» этих поэм, которые зачастую отказываются от своей поэтичности и становятся естественными, как разговор. Потому что эти записи Хартвиг — это собственно и есть разговор или скорее предложение разговора. В них идет речь о самом простом опыте: о жизни, в том числе и о жизни в пространстве поэзии, рассматриваемой так же, как все остальные пространства нашего бытия. Ритм стихотворных строк этих поэм накладывается на ритм дыхания, ритм сердца. Автор говорит здесь — как обнаруживает заглавие — «не только себе», но в то же время предсказывает себя самой себе, отдает себе отчет в своей жизни, которая никогда не бывает жизнью только для себя. Проза жизни становится поэзией, как в поэме «Всё выше», где

бренность и ничтожество существования встречается с вечностью бытия:

*Рожденные на свалке, жертвы семи бедствий, что ни день
откладываем победу.*

Еще день. Еще есмь.

А свалка растет и уносит нас вверх, к бессмертию.

Цивилизация как свалка — троп, неустанно повторяющийся в современной литературе; дело в том, что это наша собственная свалка, полная ненужных вещей и неоткрытых сокровищ, свалка мечтаний и снов, временной и случайной рухляди жизни, а жизнь не случайна. Поэтическое слово очищает эту свалку от случайности, преобразует в процессе обновления. Пространство этого преобразования — форма, которая обнаруживает, как мы читаем в «Одном шаге», тайну существования: «Мирское, profanum отделяет один шаг от sacrum. Но почему лишь некоторым удастся сделать этот шаг — навсегда останется тайной». Так же останется тайной и ответ на вопрос, почему среди говорящих прозой так мало претворяющих ее в поэзию.

Людмила Марьянская в своих «Избранных стихотворениях» обращаются к опыту Лесьмяна:

*Под легким вздохом на стекле
прозрачный круг растет всё шире,
и взгляд ложится всё просторней
на свет, рассвет, тот свет.*

Это стихотворение называется «Сад зимой». Зимние сады давно увлекают художников — живописцев, поэтов. Зимняя сказка, ein Wintermarchen, — это обычно жестокая сказка о смерти, об умирании. Белизна, морозное дыхание, четкость рисунка природы, с которой сорваны цветастые одежды, — вот контекст заполненного таинственными значениями пространства, которое гарантирует смысл существования: в зимнем саду «сквозь ветви просвечивает прошлое». Так появляется эта сверхреальность, лесьямовский «тот свет», который по существу есть определение «метафизического аспекта предметов».

В поздней поэзии Марьянской сталкиваются «свет, рассвет, тот свет», три аспекта нашего опыта. Мороз, холод, белизна,

резкость — в том числе и резкость взгляда — определяют оригинальность ее воображения, которое нашло свою родину в пространстве символического Большого Каньона: «Висла, Луара, Рейн / в те же впадают околицы» — это околицы, где «просторы дальние и ближние, / иглою боли отморожены, / сплавляются — и кровью брызнул / Большой Каньон в глухой колдобине». «Тот свет» Марьянской — это мир, просвеченный болью опыта, как хотя бы в стихотворении, обращающемся к опыту Варшавского восстания:

*Как повстанцы по каналам бредешь
в нечистотах, сточных водах, отбросах,
с надеждой увидеть наверху
свет. И это тебе страшно.*

Природа этого света-светлоты неуловима, таинственна, но в то же время это свет разоблачающий, от его истины нет возможности уйти: это свет холодный, замороженный, безжалостный. Безжалостна и даже жестока — вопреки иллюзиям первого чтения — и сама поэзия Марьянской, особенно ее стихи последнего десятилетия. Эта поэтесса, до сих пор остающаяся как бы в тени, замечательная переводчица Эмили Дикинсон, заслуживает особого внимания.

И наконец, чтобы заключить разговор о старых мастерах, стоит обратить внимание на удивительное развитие поэзии Анджея Мандальяна, два последних сборника которого несомненно представляют собой одно из важнейших поэтических событий этих двадцати лет. Его «Поэма отъезда» — сборник исключительной несущей силы, как художественной, так и познавательной. Здесь поражает способность сплавить в общем повествовании реалистические сведения с метафизическим размышлением: первые — по-юношески хищны, второе — плод опыта. В сборнике Мандальяна то и другое в совершенстве сплавлены воедино. Как и предыдущий сборник — «Лоскут савана» — это поэма, расписанная на отдельные стихотворения, но на этот раз не эпическая, а рефлексивная. Место действия — варшавский Центральный вокзал — трактуется здесь как реалистически, так и метафизически («Центральный» — надзаголовок цикла, вписанного в целое; контрапунктом ему служит цикл «Зал ожидания»). Время действия — современность, болезненно озаглавленная историей. Появляющиеся здесь фигуры — это прежде всего герои социального дна вроде Маньки Скоросвит или той,

безымянной, из стихотворения «Странствующая с кошками».
Время от времени становится небезопасно:

Идут.

Лавиной.

По лестнице.

Левой, левой.

От стенки до стенки.

Ланы обритых затылков.

И бутсы — по коленки.

Это обычный мир, но его заурядность, описанная с совершеннейшей языковой точностью, ужасает. Ужасает прежде всего сознание того, что жизнь не в состоянии ответить на мечты: «нынче под этой сучьей звездой, / плачет на коленях тот мир, что во мне умер». Этот мир (не)исполнившихся любовей, мир случайных встреч и разлук, полон мрачных закоулков. Причем всё это взято в скобки иронии.

Чтение стихов всех старых мастеров — а стоило бы составить такую «антологию двадцатилетия» и расширить ее за счет еще нескольких поэтов — позволяет в том собрании, какое создают их произведения, выделить на глаз два основных течения: позицию скептического оптимизма (Милош, Шимборская, Хартвиг, Марьянская) и позицию иронического катастрофизма (Ружевиц, Херберт, Фицовский, Хофман). Это разные диагнозы, основанные на сближенном распознавании состояния вещей. Быть может — крайне приблизительно — различие между ними выражено в той деликатной поправке, которую в мысль Ружевица о том, что зло берется из человека, вносит Милош, прибавляя (правда, в скобках), что из человека берется и добро. Это различие всё-таки — а оба поэта жаждут поэзии, написанной «человеческим языком» — создает несколько иные мелодические линии их поэзии: у Милоша — тональную, у Ружевица — атональную. Одно для меня не подлежит сомнению: обе представляют собой запись исторического опыта. И это, по-видимому, отличает эту лирику от той — заслуживающей отдельного обзора, — что пишут их поздние наследники, дебютанты того же периода, более или менее демонстративно стремящиеся избавиться от истории, в крайнем случае — взять ее в скобки.

НОВАЯ РУССКАЯ ДРАМАТУРГИЯ НА ПОЛЬСКИХ СЦЕНАХ

Активный интерес к общественным и политическим проблемам, смелый, бескомпромиссный диагноз, поставленный современности, острая критика российской — и не только российской — действительности. А еще смелость в экспериментировании и новаторство в формах. Так кратко можно охарактеризовать специфику современной российской драматургии. Эпатируя брутальностью, нередко шокируя зрителей и вызывая их протест, авторы нового российского театра разрушают традиции мещанского искусства, показывая нам деградировавший мир, болезненно уродливый, жестокий или просто до банальности жалкий и пустой. Мир, который нам не хотелось бы видеть в театре, но с которым мы непрерывно сталкиваемся в повседневной жизни.

Произведения русской драматургии уже на протяжении нескольких лет можно видеть на польских сценах, а интерес в Польше к современному русскому искусству и культуре, как представляется, неуклонно растет, о чем могут свидетельствовать постоянные выступления российских балетных трупп на сцене Национальной оперы, а также неослабевающая популярность выдающегося хореографа Бориса Эйфмана. Растущее число фестивалей российского кино или создаваемые в последнее время коллекции фильмографии свидетельствуют о том, что постепенно уходит в прошлое стереотипное представление о русском искусстве как о чем-то неинтересном и принудительно создаваемом, как о «крепостной культуре». Изменения происходят и в сфере литературы: Пелевин, Прилепин, Сорокин, Кононов, Василенко, Букша, Улицкая, Маринина, Акунин — это фамилии лишь некоторых представителей современной российской прозы, чьи произведения переводятся на польский язык. Знакомится польский зритель и с новейшей русской живописью. Однако той сферой, в которую творчество «восточных соседей» вступает всё увереннее и смелее, представляется театр.

Иван Вырыпаев, Николай Коляда, братья Пресняковы — вот имена, которые хорошо знает всякий поклонник современной драматургии. Спектакли по их произведениям, поставленные молодыми польскими экспериментаторами или же — в

несколько более традиционной форме — классиками польского театра, можно увидеть на сценах Варшавы, Кракова, Вроцлава и Познани. Всё чаще слышны и новые имена — Василий Сигарев, Максим Курочкин, Евгений Гришковец. Уже традиционными стали смотры важнейших явлений в новой русской драматургии. Достаточно сказать о проекте «Saison russe» гданьского театра «Выбжеже», а также о начинании познанского Польского театра, так и названном: «Новая русская драматургия». Итак, современный русский театр присутствует на польской сцене. Присутствует и, судя по всему, удостоивается все более высокой оценки у критиков и зрителей. По утверждению Лукаша Древняка, «оказалось, что в течение последних театральных сезонов наиболее часто инсценируемыми у нас текстами зарубежных авторов, наряду с произведениями немецкой драматургии, стали пьесы русской новой волны: братьев Пресняковых, Вырыпаева, Сигарева, Коляды, Гришкова».

Названные выше имена побуждают к размышлениям над спецификой творчества представителей «новой волны». Над тем, чем объединен их взгляд на мир, чем определена оригинальность направления современной русской драматургии. Когда смотришь «Кислород» Вырыпаева, «Мурлин Мурло» Коляды или даже «Изображая жертву» братьев Пресняковых, нельзя отделаться от ощущения, что у всех этих — таких разных — спектаклей есть некоторое сходство. Апокалиптическая история красивой, не вполне нормальной женщины, алкогольный бред провинциальных героев «Кислорода», жалкая пустота существования Вали, который, осваиваясь с явлением смерти, имитирует жертв во время следственных экспериментов... то есть провинция, мир заброшенный, замкнутый и душный, и герой-марионетка, запуганный, раздавленный, не способный к борьбе за иную жизнь и все-таки борющийся. Борющийся со своей слабостью, с глупостью и пустотой своей жизни. Именно сосредоточенность на личности и превращение ее судьбы в притчу о существовании современного человека и есть, по-видимому, то, что характеризует творчество молодых русских драматургов. Однако, как обычно бывает в театре и в искусстве вообще, оригинальность явления предопределяется не столько содержанием, сколько формой. Ведь что за новость в том, что человек страдает, что он одинок и обуреваем страхами, и можно ли считать открытием констатацию того, что мир жесток и беспощаден? Пожалуй, нет. И никто не понимает этого лучше, чем сам автор. Поэтому русская «новая волна» — это значительной мере попытка поисков новой формы художественного выражения. Здесь прежде всего необходимо

сказать об источниках обсуждаемого явления, то есть о созданном в 1998 г. московском Центре драматургии и режиссуры Алексея Казанцева и Михаила Рощина и особенно о заложенном в 2002 г. «Театре.doc» во главе с Еленой Греминой и Михаилом Угаровым. Эти две сцены, что подчеркивает уже цитировавшийся Лукаш Древняк, отвечают за «обновление российского театра, превращение его в машину по комментированию действительности и экзистенции». Именно форма непосредственного комментария, документирующего, а не интерпретирующего, составляет основу специфики обоих начинаний. Об этом говорит уже само название «Театр.doc», которое следует расшифровывать как театр документальный, то есть прямо отражающий жизнь, реальные события, реальные ощущения и эмоции. Реализм, максимальное приближение к действительности определяет новое искусство. «Театр.doc» — протест против традиционной театральной эстетики, он настаивает на возвращении искусства к повседневному, пусть даже болезненному опыту, он предполагает отказ от декоративности, отвергает сценографические и формальные приемы, используемые для того, чтобы «потрясти». Искусство должно быть буквальным, а эта буквальность достигается лишь с помощью техники подлинного интервью с реальными участниками представленного в пьесе события (если спектакль одного касается) или с представителями конкретной социальной группы (чаще всего маргинальной). Такое интервью и используют в качестве основного формального приема создатели «Театра.doc». Разумеется, представленная формальная стратегия документального театра — это лишь некий источник, из которого современные драматурги черпают в большей или меньшей степени, а вовсе не канон формальных приемов. И всё же своего рода стремление к документированию действительности, к непосредственному, нередко жесткому отражению реалий жизни с использованием техники показа мира «без наркоза» мы найдем и в «Кислороде» Ивана Вырыпаева, связанного с Театром.doc, и в «Мурлин Мурло» Николая Коляды, и в драматических произведениях братьев Пресняковых, и в произведениях Василия Сигарева. Для творчества всех перечисленных авторов характерна некая буквальность представления — стратегия, определяемая термином Verbatim.

Итак, буквальность как стратегия формы. Эстетика натурализма с элементами брутального турпизма. Использование вульгаризмов как ресурса разговорной речи. Искусство как документ жизни — жизни без прикрас, грязной. Жизни, которую мы не хотим видеть в театре, но которая

очерствляет нас при ежедневном столкновении с хамством, равнодушием, отсутствием участия. Что еще? Возможно, характерная для современности вовлеченность в общественно-политические проблемы. Драма как ответ на политическую ситуацию в стране, на действия властей и СМИ. И в то же время драма как протест, своеобразный манифест сопротивления социальной несправедливости. Творчество русских авторов «новой волны» глубоко погружено в общественно-политические реалии, и хотя по вполне понятным причинам это прежде всего реалии российские, тем не менее мы находим в них универсальные сюжеты. Таким образом, искусство молодых русских авторов — это диалог с современностью, искусство «о чем-то конкретном», повседневном, болезненном и зачастую замалчиваемом. Именно о такой роли искусства говорит в одном из своих интервью Иван Вырыпаев: «Для меня искусство — это диалог о чем-то, искусство должно ставить вопросы философские, социальные, политические, экономические, должно участвовать в жизни того мира, в которой живет художник. (...) Если молчит пресса, пусть театр говорит». Надо признать, что театр Вырыпаева говорит бескомпромиссным языком, показывает современного человека во всем его убожестве и мерзости, разоблачая ложь, слепоту и глупость повседневного, механизированного растительного полусуществования. Но вместе с тем — и это также характерно для российских авторов новой драмы — Вырыпаев не остается безучастным наблюдателем, равнодушно вззирающим на представляемую в спектакле действительность. Показывая отчаянные, жалкие попытки поиска «лучшего мира» и «настоящей жизни», автор сочувствует своим героям и заставляет сочувствовать им зрителя. Дело же вовсе не в том, чтобы обнажить и осмеять человеческую глупость, а в том, чтобы пробудить эмоции и воззвать к совести зрителя. Это же не какие-то жалкие «они» мечутся по сцене, но, возможно, — о, ужас! — это мы сами слепо и безнадежно пытаемся найти выход из тесной клетки нашей обыденности. И есть тут еще нечто важное. Совесть. Как Вырыпаев, так и Коляда, которого интересует человек «второго сорта», человек маргинальный, дегенерат, наркоман, бездомный пьяница, проститутка, пытаются заставить «культурного» любителя драматургии и завсегдатая театров войти в то запрещенное пространство, на которое наложено некое табу, взглянуть на тех людей, которых наш взгляд обходит на улице, которых мы не желаем иметь соседями, которых мы не хотим видеть ни в своей жизни, ни уж тем более в искусстве, призванном, в конце концов, быть развлечением! Обращаясь к среде социального дна, авторы «без наркоза» демонстрируют нам истинную трагедию человеческой жизни, драму, ежедневно разворачивающуюся

рядом с нами. И безнадежные подчас попытки ее участников выйти из этой ситуации. Состоит ли цель искусства Вырыпаева, Коляды, Сигарева и других авторов в том, чтобы шокировать зрителя? Вероятно, да, однако можно предполагать, что, наверное, это делается не ради дешевого эффекта, не ради того, чтобы привлечь жаждущего экстремальных ощущений зрителя. Используя эстетику шока, авторы пытаются расшевелить совесть зрителя/читателя, заставить его посмотреть на то, на что ему смотреть совсем не хочется.

Говоря о специфике современной русской драматургии, необходимо упомянуть о ее своеобразной периферийности. Эта периферийность, намеренная и вписывающаяся в контекст постмодернистской апологии маргинальных культур, проявляется как в содержании произведений, так и, что любопытно, в индивидуальных биографиях авторов. Прочитируем снова Лукаша Древняка: «Карьеры русских драматургов нового поколения демонстрируют типичное для империи движение из провинции в центр, отрицание театральной Москвы, которая всегда пренебрежительно относилась ко всему, что не столичное. Ученик Николая Коляды из уральского Екатеринбурга Василий Сигарев — уроженец Нижнего Тагила, Иван Вырыпаев — из Иркутска, Евгений Гришковец — из Калининграда». Маргинальность и культура периферии организуют фабулу произведений и определяют судьбы героев. Невзирая на то, представляют ли авторы удушающую атмосферу провинциального маразма, глупость и лицемерие маленького городка или же среду наркоманов больших городов, мы имеем дело с «людьми дна», то есть людьми, которые находятся на обочине жизни, вне главного культурного потока центров.

Польский зритель встречается с творчеством русских драматургов главным образом в театре, знакомится с более или менее удачными постановками их произведений. В определенной степени это искажает картину, навязывает зрителю восприятие пьесы через призму концепции режиссера. Постановки драм Вырыпаева, Коляды и Сигарева неоднократно порождали споры, наряду с полными энтузиазма рецензиями были ясно слышны голоса критики. А критика касалась прежде всего тенденций к эпатажу за счет жестокости, чрезмерного использования вульгаризмов, «сценической болтовни» и «погружения зрителя в состояние безнадежности». Столь же спорными оказались и постановки произведений братьев Пресняковых. Как «Терроризм», поставленный Павлом Лысяком, так и драма «Изображая жертву» в постановке Яна

Энглерта вызвали волну недовольства и разочарования. Лысяка критиковали за буквализм, отсутствие понимания смысла текста; Энглерта же критики клеймили за то, что жесткий текст он превратил в мещанскую слащавую комедию, сдобренную гротескно звучащими тирадами из вульгаризмов. Не забывая о критике и всегда помня о неизбежности «двойного авторства» спектакля, следует, однако, сказать, что новая русская драматургия на сцене польских театров не только знакомит нас с современными направлениями развития русского театра, но и становится источником необычайных переживаний для всех, кто рассчитывает найти в театре нечто большее, чем только развлечение.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

» Двадцатилетие свободной Польши стало поводом подвести различного рода итоги. В середине мая еженедельник «Политика» напечатал интересную статью, касающуюся нашего отношения к культуре, под заголовком «Поляк (более) культурный». Автор, Мирослав Пенчак, социолог и публицист, рассматривает и комментирует результаты опроса, проведенного группой под руководством профессора Войцеха Ю. Буршты. Одним из важных итогов этого опроса, выполненного по заказу министерства культуры, является вывод: деление культуры на «высокую» и «низкую» перестало быть таким актуальным, как 20 лет назад.

В целом результаты опроса настраивают оптимистически.

«Следует прежде всего подчеркнуть, — пишет «Политика», — что, вопреки стереотипным суждениям, поляки пользуются ныне культурой значительно интенсивнее, чем двадцать лет назад. Во-первых, предложение стало больше разнообразней. Во-вторых, доступ к «культурному товару» намного проще и шире, чем когда либо раньше (масс-медиа, интернет, кабельное и спутниковое телевидение, аудио — и видеоносители); в крупных городах главные кинопремьеры проходят одновременно с берлинскими или парижскими, а с концертами популярной музыки в Польшу приезжают крупнейшие мировые звезды. Наконец, в-третьих, как пишут Духовский и Секула (авторы доклада по результатам опроса. — Э.С.), „можно наблюдать возрастающую активность создателей и потребителей неинституционализированной, самородной культуры — от общественных объединений до авангардных театральных трупп”.

Можно полагать, что демократизация культуры, формируемая законами спроса и предложения, способствует, с одной стороны, коммерциализации (продается то, что является ходовым товаром), а с другой — это не мешает начинаниям некоммерческого характера. Конечно, в основном правят бал деньги. „Деньги, — пишут авторы доклада, — остаются важным критерием выбора в сфере культуры: люди участвуют в том, на что у них хватит средств”. Более того, по мнению работников учреждений культуры, люди больше ценят то, за что платят. Разумеется, бесплатные представления на открытых площадках, где можно увидеть звезд „живьем”, а не

„в телевизоре”, привлекают множество публики, но каждый знает, что Мадонна, U2 или Селин Дион никогда не приехали бы в Польшу концерттировать бесплатно. Времена дармовых представлений за счет властей миновали, кажется, бесповоротно».

Словом, «культурный поляк» изменился, но остается «культурным».

» Свое двадцатилетие отметила крупнейшая в Польше ежедневная «Газета выборча». Центр современного искусства «Уяздовский замок» в Варшаве подготовил к этой дате выставку Яцека Гавловского «20 лет рисунка в „Газете”». Этот график, иллюстратор и карикатурист, родившийся в 1957 г., — сегодня один из самых оригинальных и ярких польских художников прессы. Он учился в Варшавской академии художеств у Терезы Понговской и Генрика Томашевского. А с «Газетой выборчей» связан с 12 мая 1989 г., и за это время на ее страницах напечатано около 15 тысяч его рисунков, иллюстрирующих события нашей новейшей истории. Из этого огромного количества автор выбрал для выставки 150 листов.

О своем коллеге по редакции когда-то написал Михал Огурек: «Много лет работая в качестве газетного „иллюстратора”, он никогда ничего не иллюстрирует: то, что он рисует, — это всегда что-то самостоятельное, отдельное и вообще не требует никакого текста. Авторы не без страха ждут его рисунков. Его работы не „дополняют” газетных текстов, а чаще их заменяют».

Читатели «Газеты выборчей» прекрасно это знают. Рисунки Гавловского — настоящие жемчужины! — ценны сами по себе.

» С 5 по 29 мая уже в 29-й раз проходили Варшавские театральные встречи. Их организует Театральный институт, который в прошлом году возобновил этот фестиваль после восьмилетнего перерыва. Среди привезенных в столицу спектаклей, в частности, «Провинциальные актеры» Агнешки Холланд и Витольда Заторского (Театр имени Яна Кохановского, Ополе, реж. Агнешка Холланд и Анна Смоляр), «Factory 2. Коллективная фантазия, вдохновленная Энди Уорхолом» (Старый театр имени Хелены Моджеевской, Краков, реж. Кристиан Люпа), «Лавочка с корицей» Бруно Шульца (Белостоцкий театр кукол, реж. Франк Зонли), «Полюс» Владимира Набокова (Белостоцкий театр кукол, реж. Эва Пиотровская), «Дело Дантона» Станиславы Пшибышевской (Польский театр, Быдгощ, реж. Павел Лысак), «Король умирает, или Церемония» Эжена Ионеско (Старый театр имени Хелены

Моджеевской, Краков, реж. Петр Цепляк), «Сожженный роман» Якова Голосовкера (Белостоцкий театр кукол, реж. Войцех Шеляховский).

— 29-е Варшавские театральные встречи продолжают курс, избранный нами в прошлом году: мы отобрали самые интересные польские премьеры последнего года, — пишет Мацей Новак, директор Театрального института им. Збигнева Рашевского. — В нынешнем году у фестиваля и сопутствующих мероприятий просто звездная афиша: Кристиан Люпа, Агнешка Холланд, Кшиштоф Варликовский, Гжегож Яжина, Мариуш Трелинский, Ян Клята, Петр Цепляк, Павел Миськевич, Михал Задара. Рядом с ними не столь знаменитые, но не менее талантливые Агата Дуда-Грач, Анна Смоляр, Барбара Высоцкая, Павел Лысак, Павел Водзинский, Кшиштоф Бабицкий, Ремигиуш Бжик и Кшиштоф Минковский. Такому параду талантов может позавидовать театральная Европа, а ведь это далеко не полный перечень имен, которыми польский театр может сегодня гордиться. Одна из особенностей нынешних Варшавских театральных встреч — это международный контекст. Почти половина показываемых спектаклей поставлена в сотрудничестве с зарубежными партнерами. Просто удивительно, что симпатии польской публики все еще концентрируются вокруг дюжины футбольных уродцев. Достижения театра — значительно более эффективное лекарство от нашего неважного национального самочувствия.

» 16 мая во многих городах Польши прошла Ночь музеев. В Варшаве мероприятие проводилось уже шестой раз, в нем приняли участие более 140 столичных музеев и галерей, многие были открыты до трех часов ночи. И хотя погода не радовала, ночное (бесплатное) посещение притянуло толпы варшавян. В Центр современного искусства пришло свыше 5 тысяч, в «Захенту» — 7 тысяч, а в Музей Варшавского восстания — 8 тысяч посетителей.

В Ночи музеев впервые участвовало Варшавское отделение Института национальной памяти, предложившее ночным гостям, в частности, возможность познакомиться с его архивом. В Ночи музеев принял участие и Сейм, который позволил осмотреть ряд своих помещений, среди них галерея, с которой можно наблюдать за заседаниями, и Колонный зал.

Дебютантом мероприятия стал и созданный в стиле неорококо Кондитерский дворец на улице Мокотовской, 25 (ныне здесь расположен Институт Адама Мицкевича), который впервые открыл свои двери публике. В прекрасных интерьерах дворца были представлены мебель и выставка декоративного

искусства в стиле модерн и ар-деко из собрания Мазовецкого музея в Плоцке.

» «Издания Самуэля Тышкевича из типографского дома „Stampeteria Polacca” во Флоренции и Ницце» — так называется выставка, которая открывается 14 июня в Историческом музее столичного города Варшавы. Выставка приурочена к 120 летию со дня рождения и 55 й годовщине смерти Самуэля Тышкевича (1889-1954) — польского эмигрантского типографа и издателя.

«Прекрасные вещи — прекрасно издавать», — таков был лозунг Тышкевича. Издания, которые выходили в 1926-1954 гг. из-под его печатного станка, вызывали всеобщее восхищение. Этого и добивался знаменитый типограф, который говорил:

«Старинный, редкий в эпоху автоматизации способ получения оттиска в гармоничном сочетании с не менее эксклюзивным ручным набором и ручной работы бумагой сообщает книге, помимо иных достоинств, то теплое дыхание человеческого присутствия и недостижимые при механизированном массовом производстве индивидуальные черты ручной печати, где самая мелкая особенность типографской формы предстает как плод заботы и усилий человека — как создание его рук, воплощение его замысла».

На выставке представлено несколько десятков работ флорентийского издательства, среди них, в частности, «Italia» — описание путешествия по Италии в 1922 году, а также итальянский перевод «Пана Тадеуша».

» В этом же музее до 24 мая проходила выставка «Планы и карты Москвы с XVI по XXI век». На ней были представлены, преимущественно впервые за границами России, ценнейшие экспонаты из собрания Музея истории Москвы.

Кроме планов российской столицы, варшавяне могли познакомиться также с видами улиц, площадей и известных архитектурных объектов. Выставку украсили рисунки и фотографии семейных и бытовых сцен, а также старинные костюмы жителей Москвы.

» Издательство W.A.B. в сотрудничестве с редакцией «Нью-Йорк ревю оф букс» начало серию «Новый канон». В ней будут изданы произведения как широко известных авторов, так и писателей, ранее в Польше не издававшихся. Культовые тексты, забытые тексты, недоступные ранее тексты. Серию открыл роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» в переводе Ежи Чеха с предисловием Адама Поморского. Критик «Монда» в свое время назвал этот большой эпический роман о II Мировой

войне и тоталитарных режимах крупнейшим русским романом XX века. Польский издатель в анонсе книги указывает, что она была в Советском Союзе признана «столь опасной, что коммунистические власти конфисковали не только рукописи, но даже ленту с пишущей машинки, на которой роман был перепечатан». Один экземпляр, однако, удалось тайно вывезти на Запад, и роман был издан во Франции в 1980 году. В России же с ним познакомились только после крушения коммунизма. В последние годы в мире растет интерес к роману Гроссмана. Изданный в Испании, в Барселоне в 2007 г. под названием «Vida y destino», он попал в список бестселлеров. Есть основания полагать, что и у нас роман ждет огромный успех.

» Издательство «Sic!» также предлагает новую серию — «Великие писатели в новых переводах». Ее открывает том Осипа Мандельштама «44 стихотворения и несколько фрагментов» в переводе и с комментариями Ярослава Марка Рымкевича. Как указано в издательской аннотации, книга углубляет знакомство читателей с крупнейшим русским поэтом XX века, подчеркивая в его творчестве — наряду с погруженностью в культуру — экзистенциальную проблематику и «пушкинские» интонации, ранее не услышанные.

«Первый перевод из Мандельштама („И Шуберт на воде...”), — пишет Рымкевич в послесловии, — я сделал в Москве, в гостинице. Это было в начале шестидесятых, гостиница называлась «Варшава». И сразу же показал его (в какой-то квартире возле Третьяковской галереи — кажется, это была квартира семьи Шкловских) Надежде Мандельштам, а потом Анне Ахматовой. Надежде Мандельштам перевод понравился, и она рекомендовала мне продолжить переводческую работу. В Москве Мандельштама тогда еще не печатали, к его поэзии еще не пришла всемирная слава. Несколько позже я перевел еще 13 стихотворений по просьбе Рышарда Пшебыльского (тогда в наших библиотеках не было хороших изданий на русском языке, и я переводил со списков, которые для меня делал Рышард). И все эти переводы были напечатаны в подготовленном им „Избранном” Осипа Мандельштама 1971 года».

Рымкевич еще неоднократно обращался к переводам Мандельштама. Последние сделаны в феврале и марте 2009 года.

«Надеюсь, — заканчивает переводчик воспоминания о своей многолетней работе, — что я выполнил данное более сорока лет

назад обещание; Надежда Мандельштам мною, наверное, довольна».

» Профессор Анджей Щеклик (род. 1938), известный врач, ученый, колоритная фигура краковской артистической жизни, избран доктором *honoris causa* Ягеллонского университета. Область его профессиональных интересов — болезни сердца и легких, он, в частности, автор теоретических работ по астме и методик ее лечения. Однако это не только выдающийся врач и ученый с мировым именем. Как подчеркнуто в почетном дипломе, который зачитал на церемонии профессор Яцек Мусял, «профессор Щеклик отличается широкими гуманитарными интересами, он поклонник поэзии, музыки, автор книг, в которых рассуждает о связях медицины и искусства и задумывается над тем, что такое душа медицины, ее сущность». Названные книги это «*Core. О больных, болезнях и поиске души медицины*» и «*Катарсис*» (обе вышли в краковском издательстве «Знак»). (Главу из «Катарсиса» см. в «Новой Польше», 2008, №12. — Ред.)

Анджей Щеклик известен как друг и покровитель людей искусства. В числе его пациентов — Чеслав Милош, Анджей Вайда, главный редактор «Тыгодника повсехного» Ежи Турович и Петр Скшинецкий из «Погребка под Баранами». Скшинецкий называл больницу Щеклика «клиникой снов», а Чеслав Милош написал: «Доктор Анджей Щеклик — врач-гуманитарий, поэты и художники ощущают в нем родственную душу, но укрепленную неведомым им знанием микробиологии, химии и генетики».

В речи на церемонии, поблагодарив старейший польский университет за почетное звание, профессор Щеклик сказал: «В каждой профессии существуют ситуации, в которых отчетливо проявляется ее сущность. В медицине это встреча врача с больным. Нужно выслушать рассказ больного, понимая, что для рассказчика его положение — это самое главное, а для слушающего какой-то из этих рассказов может стать его собственной историей, его болезнью».

Прощания

» 25 апреля в Варшаве скончалась Ядвига Жилинская, прозаик, эссеист, автор исторических романов, посвященных преимущественно польскому Средневековью. Самая известная ее книга — «Золотое копье». Жилинская — также автор многих книг для детей и молодежи, таких как «Судебная тайна» или «Рассказы о Геракле».

Жилинская сотрудничала с «Тыгодником повсехным» почти с самого его основания. В связи со своим двадцатилетием «Тыгодник» так писал о своем авторе: «Ее владения очень обширны — как в пространстве, так и во времени: от Скандинавии до Крита, от Ирландии до греческих полисов в сердце Азии, от неолитического поселения, найденного в Анатолии, до Польши XX века. Она ведет нас по эпохам и культурам, показывая разнообразие и единство европейского мира, а ее герои, особенно героини, становятся для нас кем-то близким, будь то древняя королева-жрица, или дочь вождя гуннов Аттилы, или рыцари и князья эпохи Пястов». Ядвига Жилинская прожила долгую жизнь. По одним данным, ей было 96 лет, по другим — 99.

» 25 апреля в Париже в возрасте 87 лет умер Петр Слонимский, всемирно известный биолог и генетик. Он представитель известной в истории Польши варшавской семьи. Во время оккупации был солдатом Армии Крайовой, на тайных курсах изучал медицину, участвовал в Варшавском восстании. После войны ему сначала удалось избежать ареста и завершить учебу на медицинском факультете Ягеллонского университета. Вскоре, однако, «народная» власть усадила его в тюрьму в Кракове. Он был освобожден, в частности, благодаря заступничеству своего дяди Антония Слонимского. В 1947 году эмигрировал и поселился во Франции, где сначала работал под руководством знаменитого генетика Бориса Эфрусси, а затем много лет был директором Центра молекулярной генетики CNRS (Национального центра научных исследований) в Париже.

В течение всей жизни Слонимский поддерживал живые контакты с Польшей. В его доме в Жифе частыми гостями были выдающиеся польские мыслители и писатели, например Тамара и Лешек Колаковские, Мария и Казимеж Брандысы, Тадеуш Мазовецкий, Адам Михник, Халина Миколайская. В 1980-е, будучи председателем Общества французо-польской солидарности, организовывал помощь для Польши.

Его называли отцом митохондриальной генетики. Это был обаятельный человек, с прекрасным чувством юмора. В статье памяти Слонимского в «Газете выборчей» написано: «Он любил радости жизни, хорошую компанию, хорошую водку, хороший трубочный табак, но его главной любовью всегда была наука». Его жизнь — готовый сценарий захватывающего фильма. Биография профессора «Генетик и история. Повесть о Петре Слонимском», написанная Робертом Яроцким, была опубликована в 2003 году.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

После 1989 года изменения охватили многие области польской общественной жизни, так что вполне обоснованно можно задаться вопросом, в какой мере они влияют на изменение идентичности, человеческих отношений, на индивидуальное самоощущение. В связи с двадцатилетием этих перемен и пятилетием вхождения Польши в Европейский Союз именно на эти проблемы обращает внимание социальный психолог профессор Януш Чапинский, который поделился своими наблюдениями в интервью для газеты «Польска. The Times» (№ 102/2009). Интервью названо «Одинокий маленький поляк». Этот заголовок напомнил мне польский перевод названия читанной мною в детстве повести Валентина Катаева «Белеет парус одинокий». Напомнил не случайно, поскольку речь идет о том, каковы сейчас молодые поляки. «После 1989 года польское общество начало очень сильно приветствовать предприимчивость, — но не такую, которая направлена на общее благо, на пользу широкой общественности, а направленную на благо для себя и своих близких. (...) Во времена ПНР (неважно, было ли это производительным и эффективным) у каждого была работа, каждый какие-то деньги приносил в дом. Современный глава семьи должен быть более „оборотистым“, деловитым. Родители больше, чем когда-то, втянуты в эту символическую гонку, и дистанция между родителями и детьми растет. Социальные перемены, обусловленные экономической трансформацией, не затронули одного: польская семья остается по-прежнему очень авторитарной. Дети должны делать то, что им говорят. Не потому, что распоряжения взрослых всегда разумны и правильны, — просто такова иерархия, в которой ребенок всегда на низшей ступени. (...) Дети, воспитанные в четырех стенах, среди взрослых, очень поздно учатся строить отношения с другими детьми, делают это неуклюже, не умеют найти себя в группе. Если согласиться с тем, что у родителей сегодня нет времени на детей, то государство должно как-то поддержать семью. У меня огромные претензии к сменяющим друг друга правящим группам. Политики без устали твердили, как позаботятся о новом поколении, о его развитии, а затем правительства, одно за другим, ликвидировали детские сады».

Далее Чапинский указывает причины, по которым новое поколение не подготовлено к самостоятельности: «Поколение нынешних родителей, выросшее часто в трудных условиях, свою нишу в общественной системе вырубало собственными силами. И, в общем-то, преуспело. Работа и учеба обеспечили неплохие экономические позиции. Образование было признано шансом для хорошего жизненного старта, с 1989 года число студентов в Польше выросло в пять раз. Однако это в определенном смысле травмированное поколение — оно приобрело вкус к материальному благополучию, обычно сориентировано на потребительский стиль жизни. Это видно по катастрофическому снижению рождаемости. В течение всего периода ПНР число детей на одну женщину держалось на уровне 2,5; сейчас этот показатель едва достигает 1,2. И такой же стиль понимания жизни мы передаем сегодня учащимся, они также не приобретают интереса к формированию семей, к обзаведению детьми. Это дурной знак для всего общества».

Можно сказать, что приличное материальное положение — приличное, конечно, по польским масштабам — ведет к «усыплению» предприимчивости, которой характеризовалось старшее поколение: «Молодых, которые в 2001 — 2003 годах еще учились в школе, не тревожил упадок экономики, они концентрировались на учебе и дружеских отношениях. Окончание ими школы пришлось на период процветания, когда хозяйство налаживалось. Они приобрели ощущение, что экономический рост — это некий постоянный вектор, что может становиться только лучше и лучше. И именно они сейчас пишут на различных интернет-форумах, что никакого кризиса нет, что это выдумки газетчиков. Для них столкновение с кризисной реальностью будет болезненным, они к этому не подготовлены». Усугубляет ситуацию и то, что это поколение, не способное на общие действия: «Поляк более сконцентрирован на себе, и активность в действиях на пользу других предельно снизилась. (...) Мы уже достигли минимума. И, правду сказать, я не особенно верю, что это удастся в ближайшее время изменить. (...) Половина польских школьников скучает на уроках, эту скуку мы должны как-то победить. Совместная работа школьников, задания для группового выполнения не только способствуют приобретению знаний, но учат разговаривать, устанавливать нормальные детские взаимоотношения. А с этим у многих польских детей проблемы. Детям недостает ощущения, что вместе с друзьями могут сделать что-то важное, что-то вместе построить. Давайте прекратим постоянно концентрироваться на баллах за очередной школьный тест. Современный ученик много знаний приобретает вне школы, без учебников и того, что пишется на

доске. Мой старший сын объясняет мне технические новинки — я не имею представления, откуда он это знает! Кроме школы, есть много возможностей учиться, узнавать новое. Меньше возможностей приобретать навыки взаимодействия, сотрудничества. (...) Для детей важнее баллы за тест, чем встреча с другим человеком. В Польше в течение последних 20 лет мы обучили множество молодых людей, создали мощный интеллектуальный потенциал. Теперь новая задача — формирование общественного, социального потенциала. Ведь мы сейчас не умеем понимать друг друга, не умеем действовать сообща, не стремимся сделать что-либо, что выходит за нашу тесную „околицу”. (...) Давайте строить общность — это должно стать первой задачей польской школы. Никогда в прошлом не удавалось построить подобную общность учеников, учителей, родителей. Именно сейчас подходящий общественный климат, чтобы попробовать».

О необходимости перемен идет речь в беседе Петра Найштуба с профессором философии Магдаленой Срода. Беседа напечатана в еженедельнике «Пшекруй» (№ 17-18/200) под заголовком «Худшее — это жаловаться». На вопрос о том, когда она почувствовала, что она полька, Магдалена Срода ответила: «В 1968 году, мне тогда было 11 лет, разные вещи творились в университете и в моей школе. Тогда я узнала, что моя подружка Эва (она давно уже за границей) еврейка. Я не знала, что это значит, но о ней говорили: „Она еврейка”. В дневнике, который я вела, есть такая страничка, где сначала описываю события за день, а в конце написала: „Эва — еврейка. Боже, что же теперь будет?” И помню, как задала вопрос родителям, что это значит, а они ответили, что я полька, а она еврейка. Моя самая тогда близкая подруга (...) тоже „оказалась” еврейкой. Я помню свое замешательство, конфуз, что она еврейка, а я полька... И в дневнике записала вопрос: „Что значит быть полькой?” (...) Тогда вообще этого не оценивала. Я не чувствовала себя ни лучшей, ни худшей, вообще не понимала, о чем речь».

Спустя годы такие вещи уже понятны. Хотя это и явно некорректно, но все же возьму на себя грех: «перескажу» юмористическую картинку — рисунок Анджея Млечко из недавнего номера «Политики». Родители, ребенок в коляске. И один из родителей говорит другому: «Когда-то нам придется сказать ему, что он поляк!» Быть поляком — это приговор, который Магдалена Срода называет кармой, а впервые почувствовала, как она рассказывает, «во время [президентских] выборов, когда за пост боролись Мазовецкий, Тыминский и Валенса. Для меня Мазовецкий был лучшим, Валенса — мифом, а третий этот гражданин — вообще никем.

Я сидела в отеле „Европа” с журналистами и, когда узнала результаты [Мазовецкий выбыл после первого тура — Л.Ш.], просто закричала. Я неожиданно поняла, что мир, в котором живу, не такой, как я о нем думаю. А когда Квасневский во второй раз стал президентом, то я решила: это карма, я должна быть здесь, я не могу отсюда уехать, должна все переждать. И то же самое говорила себе, когда правили Качинские: надо переждать. Надо быть здесь. Это карма. (...) Перед теми выборами я верила, что всегда побеждает разум, правда, свобода... Я была ужасно наивной, потому что считала, что мир делится на людей плохих, то есть коммунистов, и на хороших, то есть всех остальных. И раз мы наконец победили, и наступила эйфория 1989 года, — то разница партийных группировок в новом парламенте будет — ну, не знаю — разницей цвета оперенья на крыльях...»

Разочарование привело к размышлениям над польской идентичностью: «Наша история — безнадежная. Эти опустошающие восстания, это безрассудство, неумение идти на компромиссы. (...) В 80-е годы я готовила докторскую диссертацию о достоинстве, инспирированном этим нашим польским „собранием” национальных жестов и жизненных позиций. Это тогда меня восхищало! Мне нравилось, что мы предпочитаем, пусть и голодными, но стоять выпрямившись, чем быть сытыми и коленопреклоненными. Что мы такие гордые, боевитые, неуступчивые. Что мы так чудесно мобилизуемся, когда есть враг. А позже поняла безнадежность такой гордости. Сейчас это уже только... карма. Когда я смотрю на жизнь, окружающую меня, особенно политическую, то все теплее думаю об Эпикуре, который утверждал: чтобы чувствовать себя счастливым, не надо изменять мир, достаточно убежать от него в деревню, в сад и жить среди друзей. Сегодня отчасти как при военном положении. Все то, что снаружи, — чужое, враждебное; и человек этого не любит. Тогда было всё серое, никакое, приторно-заискивающее. А прекрасно было в домах, потому что здесь пили водку, играли на гитаре, спорили. Теперь не спорят, мне часто становится дурно, когда смотрю на парламент».

Может, однако, быть и по-другому: «Люди вместо того, чтобы действовать, сваливают вину на „этих”. Когда-то „этими” были коммунисты, теперь политики, все равно какого толка. А политичность — это, прежде всего, устремленность к общему благу (местному, общенациональному). Можно к этому стремиться и не будучи непременно политиком. Мы этого не делаем, и политики этого не делают. (...) Нас никто не учит, что можно и нужно быть ангажированным в общее дело. Что даже

дети могут — в школе, в микрорайоне, могут писать письма политикам, требовать компьютеров или еще чего-то, необходимого для их жизни. Этому учат, например, в шведских школах, вообще в Европе. А у нас опускают руки: ничего у меня не выйдет, так что ничего и не буду делать. Почему? Потому что „они” все равно сделают по-своему. (...) И все жалуются, все вокруг. Я тоже жалуюсь». И это блокирует активность: «Польша избавилась от коммунистической сермяжной рубахи. Может, удастся ее обновить или хотя бы перекроить национальное платье. (...) Было время, когда я думала, что Польша изменилась. Круглый Стол... Дело не в его результате, а в той форме, в которой приходили к политическим решениям. Мы оказались способны спокойно, через компромиссы, а не через революцию изменить строй. Если я испытываю потребность в гордости, то горжусь Круглым Столом, потому что он сломал наши польские стереотипы. Мы начали разговаривать и осуществлять политику, а не размахивать сабельками и воздвигать монументы. Но сейчас на это уже наплевать. Большинство предпочтет восстания и памятники. (...) Все поводы для разумной гордости в нашей „реактивной” политике очень быстро пережевываются. А остальное мифологизируется».

Необходимо вырваться из порочного круга польских мифов: «Если бы кто-то меня об этом спросил, я могла бы назвать себя патриотом... Если бы только это слово не было фатально затасканным, а его значение не было поражено какой-то гангреной. Сегодня быть патриотом — это либо выкрикивать „Родина или смерть!”, либо принадлежать к какому-то политическому лагерю. Я когда-то писала об этом в „Тыгоднике Повшехном”, и это до сих пор актуально: сегодня патриотизм должен слагаться из так называемых „малых добродетелей” — из честности, вежливости, законопослушности, добросовестности, деловитости, гражданской и общественной активности. А сентиментально-военизированный патриотизм положим куда-то на верхнюю полку, потому что пока он ни к чему. Сейчас нужен патриотизм „в штатском”». При этом и само понятие „патриотизм” в изменяющихся обстоятельствах понемногу меняется: «Я за сильную Европу. Таковую, граждане которой говорят: „Я европеец, родившийся в Польше”. Так же как: „Я европеец, родившийся в Лондоне”. И тогда, в этой привязанности к Польше, содержится любовь и естественная гордость, а вместе с тем и идентификация с Единой Европой. Пока в Европе только 17 процентов говорят: „Я европеец”. Но это число постоянно растет». В Польше необходимы далеко идущие реформы, чтобы произошли подобные изменения в самоидентификации: «У нас

до сих пор модель образования из XIX века. Она, разумеется, изменилась, обновилась на определенном уровне, но прежней остается аксиология. (...) Если обратиться к школьным программам с точки зрения акцентируемых ценностей, то увидим родину, патриотизм, семью, семейноцентричную модель общества, очень унифицированную, без индивидуализации. (...) В этих программах польская национальная самоидентификация, которая репродуцируется уже 20 лет. Это не слишком отличается от того, что было в мои времена. Я учила Мицкевича и Словацкого, потом читала только Пруса и Жеромского, а перед выпускными экзаменами снова повторяла Мицкевича, Жеромского, Пруса — и ничего больше, именно этим меня нагрузили. В учебниках дети росли в полных семьях, не было национальных различий, не появлялись „другие” (разве что как враги), не было инвалидов и неполноценных, одиноких и несчастливых, не на чем было учиться толерантности. Пока ничего не изменилось. Нет того европейского либерального подхода, на котором базируется Хартия основных прав или Общеввропейский договор. (...) Образы женщин и мужчин в школьных учебниках — это репродукции стереотипов. Девочка задает глупенькие вопросы, а мальчик отвечает, девочка никогда не сидит за компьютером (разве что выбирает себе косметику), а мальчик разрабатывает программы. В учебниках есть такой рисунок: Ян III Собеский с женой Марысенькой, множество детей, среди которых девочки в платьях. И подпись: „Король Ян III Собеский с сыновьями”. Мужские и женские роли в этих учебниках — из XIX века. Гражданские роли также. Нет ни одной семьи, кроме как гетеросексуальная, и иной, чем мама, папа, бабушка, дедушка. Не упоминается, что есть одинокие женщины, дети с ограниченными возможностями, иностранцы, гомосексуалисты, что есть независимые женщины, которые хотят быть независимыми и чья жизненная цель вовсе не обязательно связана с материнством. Во всех учебниках в Европе это есть, а у нас этого нет».

Легко могу себе представить, сколь многие читатели в Польше среагируют на эти замечания с неопровержимой логикой: а у нас и нет причин, чтобы копировать эти европейские учебники. Потому что «иная, чем гетеросексуальная, семья» — это абсурд, *contradictio in adjecto*, а иностранцы не могут быть нашими, потому что в силу вещей чужие, не говоря уже о том, что нельзя подвергать детей опасности влияния гомосексуалистов и независимых женщин. А люди с ограниченным возможностями — что же, это их собственная проблема. Я не шучу: такие аргументы приходится слышать довольно часто. Но, к счастью, не так часто, как раньше, и это

позволяет мне верить, что хотя бы в чем-то что-то изменится.
А главное, в стремлении к построению гражданской общности.